

Мы - кровь и буря

Автор:

[Кесия Люпо](#)

Мы - кровь и буря

Кесия Люпо

Young Adult. Мистика и триллеры

Две девушки - две судьбы в мире, где боятся чародеев и почитают Предков.

Лина бежит, чтобы спасти свою жизнь.

Констанция мечтает обрести дом.

Магия под запретом в городе, над которым сгущается мрачное грозное облако,
где живые страшнее мертвых...

Кесия Люпо

Мы - кровь и буря

Посвящается Джеффу

Kesia Lupo

WE ARE BLOOD AND THUNDER

Copyright © Kesia Lupo, 2019

This translation of *We are Blood and Thunder* is published by

Publishing house Eksmo by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

Maps and Holy Council of the Nine Gods illustrations

copyright © Robert Altbauer, 2019

© Захватова О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Хранители склепов

До появления грозового облака

Собрав остатки пыли в мешок, Лина выпрямилась и вытерла лоб грязной рукой. Услышав шорох, она резко направила свет медного фонаря на грубо отесанные камни склепа. Но источником шума оказался Ловец с зажатой в челюстях извивающейся крысой. Бросив добычу на пол, он заурчал и яростно вцепился в бедное существо. Этот свирепый рыжий кот был самым крупным мышеловом на

территории склепов. И казалось, будто ничто не может его убить. В сотый раз Лина удивилась, почему он приходил спать именно в ее кровать, оставляя у подножия сомнительные дары в виде грызунов и птиц.

Крепко завязав мешок, Лина взвалила его на плечи и в последний раз взглянула на пустой отполированный саркофаг. Утром в него поместят тело и проведут церемонию погребения. Внутри все сжалось, и она тяжело сглотнула подступивший к горлу комок. Днем ей разрешили посмотреть, как гробовщик Виго подготавливал тело в одном из специальных залов, расположенных под территорией садов. Чтобы не упасть в обморок, девочке пришлось стиснуть кулаки настолько, что ногти впились ей в ладони. Повсюду во мраке лежали Предки покойного. Наконец, когда запахи бальзамирующих жидкостей перестали отвлекать, среди повсеместного аромата мускуса Лина учуяла резкие травяные нотки. Сама гробница казалась сравнительно небольшой. Благородных жителей города погребали в роскошных отдельных саркофагах. Семья же каменщика, как и большинство других, лежала в длинных нишах в стенах. Мертвые покоились друг над другом или делили одну могилу на двоих. Муж с женой. Сестра с братом. Малыш с мамой. Глазницы оставались открытыми, только вместо глаз в них клали камни с нарисованными зрачками, а иногда и сверкающие драгоценности. Виго утверждал, что Предки спали вечным сном, однако Лина не могла с ним согласиться. Ей казалось, что они смотрели в потолок на грань живого мира. И ждали.

Но чего?

По спине пробежали мурашки. В знак почтения девочка коснулась сначала лба, затем губ и сердца. В раннем детстве Лина настолько боялась Предков, что страх порождал ночные кошмары. Ей постоянно снились их каменные глаза, пристальные взгляды, сморщенная и огрубевшая кожа, но волосы... волосы всегда оставались густыми и лоснящимися, как в день смерти. Иногда казалось, что даже старейшие из Предков похожи на лежащих в темноте живых людей.

Но теперь ей одиннадцать. Она повзрослела, и ей больше не страшно.

Ловец мяукнул, и Лина чуть не подскочила от испуга.

«Я ничего не боюсь», – напомнила себе девочка, стараясь успокоить сердцебиение.

– Ладно, пора идти, – глубоко вздохнув, прошептала она Ловцу. – Нам предстоит долгий путь назад.

Лина старалась не спешить, перемещаясь по подземным тоннелям Верхнего города. Она направлялась к сети небольших подвалов, расположенных под крепостью, которые Хранители называли домом. Виго утверждал, что спешка – это неуважение к мертвым. Пока девочка шла, Ловец путался под ногами, то появляясь, то исчезая из светового луча фонаря.

Какое-то время все вокруг было тихим и привычным. Лишь изредка Лина слышала шорохи крыс или щелчки расставленных мышеловок: одна из задач Хранителей и кошек – держать паразитов в страхе. Однако стоило ей углубиться в увешанные паутиной переходы, как вдруг впереди послышалось нечто странное. Голос. Тихий ритмичный шепот, который постепенно становился все громче.

Девочка нахмурилась и остановилась. Кто может находиться в склепах глубокой ночью? Насколько ей известно, похороны каменщика – единственное запланированное на завтрашний день погребение. Кроме Лины, никто из Хранителей сегодня не дежурил. А остальным и вовсе запрещено здесь находиться.

Ей стало страшно. Выключив фонарь, Лина замерла в темноте. Девочке совсем не хотелось попадаться кому-либо на глаза, потому что люди всегда с неприязнью смотрели на темное родимое пятно на ее щеке. Пока Лина вслушивалась в тишину, Ловец проскользнул мимо и нетерпеливо устремился вперед. Далекий музыкальный голос не смолкал. Своим звучанием он напоминал грустную песню... или стихи. Вот только Лина никак не могла разобрать слова. Ей даже показалось, что песня звучала на незнакомом языке.

Мягкие туфли из парусины, которые Хранители носят в склепах, обеспечили Лине бесшумное передвижение по знакомым проходам. Девочке оставалось только нащупывать пальцами путь в темноте. По мере приближения к тоннелям замка, где покоились благородные Предки и их семьи, шепот становился все громче. Но Лина ничего там не увидела, а голос вскоре пропал.

Сердце забилось быстрее. Теперь тишина и темнота устрашали еще больше, ведь Лина знала, что вместе с ней во мраке скрывался кто-то еще. Внезапно она

заметила неподалеку легкое мерцание света. На шее выступил холодный пот. Девочка крепко сжала мешок с пылью и железную ручку фонаря, убеждая себя убежать.

Поначалу Лина решила, что это обман зрения. Раньше такое случалось: словно фиолетово-зеленые цветы странной формы распускались, затем исчезали и в мгновение ока воссоздавались. Вот только теперь все было реальным. Девочка видела, что к ней приближалось пятно света, то тускнея, то вновь разгораясь. Неужели это бабочка?

Сердце Лины колотилось с неистовой скоростью. Еще никогда она не испытывала такой тревоги: ощущения обострились до предела.

Металлическое существо с филигранными крыльями и гладким медным телом, мягко порхая, приземлилось на край ближайшего саркофага.

Бабочка была прекрасна.

Опустив вещи, Лина шагнула ближе. Подобно пламени свечи, существо испускало мерцающий свет. Желая прикоснуться, девочка потянулась... но вдруг остановилась.

Словно стая испуганных птиц, в голове взметнулись изложенные Виго правила:

«Появляясь над землей, никогда не показывай лицо. Никого не трогай, особенно тех, кто не относится к Хранителям. Не прикасайся к Предкам, если того не требует работа. Не трогай могильные атрибуты. Вообще ничего не трогай. Для других людей ты грязная. Все, к чему ты прикасаешься, запятнано».

И все же... Лина никогда не встречала столь прекрасного создания. Отбросив настойчивые советы Виго, девочка протянула руки и взяла существо в ладони. Словно перышки, нежные лапки щекотали ее кожу. Бабочка оказалась почти невесомой, а порхающие крылышки издавали слабый гул, похожий на часовой механизм.

Внезапно огонек погас, и склеп погрузился в кромешную тьму. Лина вздрогнула. Существо замерло, и нежное тепло покинуло его тельце, будто никогда там и не

появлялось.

«Неужели бабочка сломалась?»

Девочка замерла в ожидании. Внезапно ее сердце сжалось от страха: где-то вдалеке раздались поспешные шаги и чей-то зов. Если люди искали бабочку, то они явно двигались в неверном направлении, удаляясь влево. Открыв ладони, Лина провела пальцами по тельцу и широко расправленным крыльям существа. Ей нравилось ощущение филиграни на кончиках пальцев: это успокаивало.

Вот только бабочка ей не принадлежала. Придется ее оставить и вернуться домой.

Лина приняла решение, но тело никак не хотело повиноваться. Разве можно ее забрать? Нельзя. Если кому-то станет известно, что Лина взяла из склепов предмет, неприятностей не миновать. Пусть она и не сняла ее с тела, бабочка все равно являлась могильным атрибутом. Да и кто поверит, что та сама к ней прилетела? Она как будто выбрала ее... Как будто хотела попасть именно к ней.

Но все это оказалось неважным: решение было принято. Ей не разрешали иметь личные вещи. Даже ее одежда – это обноски, а мягкие туфли до нее сносили другие Хранители. Лина знала, что на поверхности Верхнего города не-Меченые дети жили в своих комнатах, забитых игрушками, безделушками и одеждой, которую носили только они. Лина ничем от них не отличалась за исключением темного родимого пятна на щеке. Так почему ей нельзя забрать бабочку? Она чувствовала, как участилось дыхание. Это всего лишь одна крошечная вещь. Девочка решила хранить тайну и ни единой душе не рассказывать о находке. Пусть бабочка станет ее единственной личной вещью. Разве она так много просит?

Спрятав металлическое существо во внутренний карман, Лина взяла фонарь и мешок и продолжила путь через тоннели.

Через шесть лет после появления грозового облака

Скользя по крутой мощеной дороге, Лина со всех ног бежала с вершины города к стенам, за пределами которых простирался лес.

В ушах громко звучали слова судьи:

«Вы обвиняетесь в чародействе».

Грозное облако представляло собой всеобъемлющий, плотный, ядовитый туман, обволакивающий одежду и заслоняющий путь.

«Я приговариваю вас к смерти».

Во мраке дрожали тусклые островки света: кое-где виднелись окна домов и пятна угасающих солнечных лучей. Ноги несли Лину во мрак и неизвестность.

«Плоть ваша будет съедена собаками».

Лина слышала рык и вой гончих псов. Неужели они покончили с Виго? Или, может, устали жевать старую плоть и жаждали отведать свежей крови? Виго выиграл время, но все оказалось напрасно. Пока слезы жалили глаза, Лина бежала все быстрее.

«Кости ваши останутся под небом, изгнанные из священных склепов».

Ей не убежать от собак. Еще никому не удавалось. В свои семнадцать Лина была далеко не самой юной, кого ждала кровожадная пасть гончих. Чтобы убедиться, стоило просто взглянуть на обглоданные останки у подножия городских стен. Тем не менее шанс выжить все еще был – один-единственный шанс. И она обязана им воспользоваться.

«Ваша душа никогда не присоединится к Предкам, не станет пировать на славе минувших веков, не начнет управлять судьбами».

Лина оказалась на нижнем уровне города. Здесь туман сгущался сильнее. Она остановилась, не в силах сделать вдох: бок пронзила острая боль. Натянув на рот и нос воротник одеяния, она почувствовала, как за стеклом защитных очков собирались слезы.

«Вы умрете в этом мире и последующих мирах».

Сквозь мрак прорвался вой, а затем целый хор голосов, переходящих в бешеный лай: гончие набирали темп. Нет больше времени плакать. Лина повернулась и бросилась бежать, стуча подкованными сапогами по мощеной дороге.

Вскоре путь ей преградили высокие стены города. Хруст маленькой кости под сапогом вызвал приступ тошноты, и Лина спешно двинулась вдоль изгиба стены, отчаянно вглядываясь в ее основание, где темные камни соприкасались с грудой костей. Ворота, которые не открывались уже два года, были заколочены широкими деревянными балками. Ржавые замки поросли плющом. Однако совсем рядом... Виго рассказал ей...

Внимательно рассматривая гнилой подлесок, Лина старалась найти очертания бывшего куста роз – и вскоре ее поиски увенчались успехом. Но трепещущее сердце сжалось еще сильнее: она ведь могла просто не заметить сплетения голых шипов среди скелетных останков соседних растений. Раздвинув ветки плотными кожаными перчатками, девушка обратила внимание на небольшое углубление в земле. Настолько маленькое...

«Я пользовался им в детстве, – рассказал Виго за несколько минут до встречи с гончими. – Я лазал через него, когда вместо уроков хотел поиграть в лесу. Еще до того... как получил увечья».

Лина безмолвно покачала головой, сжав его старые, пораженные артритом руки – руки, которые подобрали ее со ступеней склепа совсем малышкой. Тогда она плакала.

Она плачет и сейчас.

«Лина, я не смогу бежать. Но ты достаточно юркая и маленькая, чтобы скрыться».

Вой и клцанье когтей по мощной дороге неумолимо приближались, и Лина бросилась на землю под кустарник. Старые колючие стебли цеплялись за одежду, осыпая гнилью, пока она лезла в затхлую тьму под стеной. Из всех сил хватаясь за влажную почву, Лина подтянулась вперед. Ноги скрылись, и над головой нависла огромная толстая стена, холодная и древняя.

Яма оказалась тесной. Было почти нечем дышать, но Лина проталкивала плечи все дальше. Казалось, она уже уловила дуновение ветерка с противоположной стороны, как вдруг поблизости раздался лай, сопровождаемый диким рычанием и лязганьем зубов. Внезапно что-то сомкнулось вокруг жесткой кожаной подошвы и с удивительной силой потянуло девушку обратно. В панике Лина вцепилась ногтями в гладкую поверхность стены. В неразберихе защитные очки зацепились за корень, и ремешок порвался. Выхода не оставалось: пришлось их бросить. Лина проталкивалась все дальше и дальше, пока не увидела свет. С усилием она пропихнула плечи и бедра и наконец со слезами на глазах выбралась наружу, разорвав грубую ткань одежды.

Лина поднялась на ноги. От вида окружающего пейзажа сердце девушки вновь сжалось. Лес за стеной представлял собой гнетущую картину разложения с увядающими вокруг деревьями. Их кора была покрыта серым налетом и странными грибами. Грозное облако здесь оказалось таким же густым, сверкающим и гроыхающим, как и в границах города. Лина вспомнила о защитных очках, которые потеряла под стеной. Но рисковать и возвращаться было нельзя: за ней наверняка следовали гончие. Вместо этого девушка бросилась бежать, спотыкаясь о корни и поскальзываясь на мокрых листьях. Повсюду лежали гнилые стволы, а над головой угрожающе нависали обломанные ветки.

Постепенно вой и лай затихли, но Лина еще долго не могла поверить в то, что за ней никто не гонится. Вероятно, проведя столько времени взаперти в городских стенах, собаки испугались незнакомых запахов и шума леса. Или, возможно, хозяин решил, что Лина умерла, и отозвал гончих. А может, он просто побоялся потерять любимцев среди деревьев, как раньше терялись странники. В любом случае подобный исход ее вполне устраивал. Сбавив темп, Лина потеряла воспаленные глаза и сделала глубокий вдох. Чтобы перевести дыхание, она ненадолго остановилась. Пока сердцебиение успокаивалось, девушка потянулась к спрятанной в кармане медной бабочке. Существо размером с ладонь нагрелось от тепла ее тела. Глядя изящную филигрань, Лина почувствовала, как дыхание начало восстанавливаться.

Всякий раз, когда бабочка попадала ей в руки, она вспоминала ночь, когда нашла ее – или, скорее, ту ночь, когда ее нашла бабочка. Тогда она почувствовала себя нужной. Тогда она ощутила спокойствие и уверенность в своей значимости, потому что в ее владении оказалась значимая вещь.

Внезапно краем глаза Лина заметила темную фигуру человека, сгорбившегося у корней одного из деревьев. Желудок сжался, и девушка юркнула в сгнивший подлесок, зажав рот рукой, чтобы не выдать себя испуганным криком. Но фигура, казалось, не обращала на нее никакого внимания. Плывающее грозное облако то показывало, то вновь скрывало его длинный плащ, коричневые сапоги и огромные кожаные перчатки. Голова в капюшоне мирно покоилась на его груди. Неужели он спит? Вот только Лина не замечала ни движений, ни подергиваний, ни вдохов и выдохов. Девушка поняла, что незнакомец мертв.

Спрятав бабочку в карман, она поднялась на ноги и направилась в сторону мертвеца. Ее тело до сих пор была мелкая дрожь, но по мере приближения к фигуре тремор начал исчезать. Она не боялась мертвых – во всяком случае, пока они... Лина покачала головой, не желая продолжать свою мысль. Нет, боялась она не мертвых. Она боялась живых людей.

Опустившись на корточки, девушка рассмотрела брошенный возле тела клинок. Он сверкал в тусклом вечернем свете, едва проникающем сквозь облако и деревья. Оружие представляло собой короткий кинжал, рукоять которого обвивал серебряный дракон с зеленым камнем в глазу. Без долгих раздумий, Лина подняла клинок с земли и осторожно спрятала за пояс. Переведя взгляд на мертвеца, девушка заметила, что он сидит на краю небольшой поляны. Следом взгляд ее наткнулся еще на одно тело – на этот раз женское. Она лежала спиной к Лине, а ее нетронутые разложением длинные рыжие волосы устилали грязную землю. Рядом, свернувшись под плащом у почерневших останков костра, сидел еще один мертвец. Против своей воли Лина перевела взгляд на его разлагающееся, страшное лицо.

Тела лежали здесь давно. Неужели эти люди пытались добраться до города? Очевидно, они не граждане Княжеского леса. Но что их убило?

У Лины не было никакого желания узнать ответ.

Она вернулась на узкую тропу и, спотыкаясь, бросилась бежать.

Постепенно в лесу стемнело, и в кромешной тьме Лина едва могла что-то разглядеть. Перед глазами начали появляться видения: формы, принимающие очертания рук, глаз и ртов. Девушка жмурилась и терла глаза, продолжая ругать себя за потерю очков. Никто в Княжеском лесу не осмелился бы выйти наружу, не защитив глаза, потому что долгое пребывание в ядовитом облаке грозило зрительными галлюцинациями. Время от времени из-за деревьев появлялись большие фигуры. Лина отступала назад и ждала, пока образы рассеются, хотя и знала, что это лишь плод ее воображения.

Она представила, как тела незнакомцев начали шевелиться, поднялись на ноги и последовали за ней.

«Хватит. Хватит об этом думать».

Стараясь не обращать внимания на страшные мысли и сильное изнеможение, Лина ускорила шаг.

Но совсем скоро сил двигаться вперед не осталось. Ноги ослабли, и она почувствовала, как пальцы погрузились в вязкую мульчу лесного покрова. Галлюцинации усиливались. Лина понимала, что если не бежать, то ее одолеют реальные угрозы. Вспомнив рассказы Виго о кишаших в лесу гигантских змеях и диких кабанах, она крепко зажмурила глаза, прячась от нахлынувшей волны ужаса. С глубоким вдохом ей пришлось взять себя в руки: не время терять рассудок.

Лес простирался во всех направлениях, и Лина давно сбилась с пути. Как теперь спастись? Даже если ей удастся найти выход, какая судьба уготовлена в большом мире такой девушке, как она? Она коснулась родимого пятна, которое было на несколько оттенков темнее ее смуглой кожи. Граждане Княжеского леса смотрели на Меченых Хранителей со смесью отвращения и завистливого уважения к их обязанностям. Виго рассказывал, что боги отличаются жестокостью, а их последователи практикуют опасную магию. Что они с ней сделают? Что делают с Мечеными людьми за пределами Княжеского леса?

Они тоже захотят ее казнить?

Стоило ей представить самый кошмарный исход, как холод тут же окутал ее тело: а что, если грозное облако поглотило все вокруг, оставив Княжеский лес

одиноким центром вселенной? Что, если люди пытались добраться до города в поисках спасения?

Нет. Сдаваться нельзя. Открыв глаза, Лина вновь подняла свое истощенное тело в вертикальное положение. Она хотела двигаться дальше, но теперь ее окружали не деревья, а толпа людей. В каждом лице Лина узнавала гражданина Княжеского леса, забранного на тот свет эпидемией. Покойные, которых она помогала раздевать, омыwać и бальзамировать. Когда-то она заменила их глаза, теперь сверлящие ее, окрашенными камнями и сверкающими драгоценностями. Ее осудили за колдовство; она стала отверженной. Предки разозлились.

Лина прислонилась спиной к дереву и в безмолвной молитве коснулась дрожащей рукой лба, губ и груди.

- Пожалуйста... - молила она.

Но у Предков вместо сердец теперь пустота.

Мир вокруг почернел.

Лине было шестнадцать, когда это случилось впервые - за год до того, как судья приговорил ее к смерти. В одной из специально оборудованных комнат под территорией садов она помогала Виго бальзамировать старого караульного, умершего от чумы. Чтобы освещать их кропотливую работу, в потолок были встроены толстые стеклянные панели, пропускающие слабый дневной свет - а иногда и сине-зеленое сияние молнии.

Лина подняла левое веко караульного, чтобы пришить его с помощью изогнутой иглы и специальной белой нити. Обладая тонкими изящными пальцами, она всегда занималась глазами. Раньше она ненавидела вставлять холодные камни в глазницы, но спустя время пришла к выводу, что эта работа ее устраивала.

- Ты уже думала о том, что будешь делать дальше? - спросил Виго таким тоном, будто задавал этот вопрос сотню раз.

Он извлекал из тела органы и убирал их в отдельные керамические банки. В воздухе витал трупный запах, но Лина давно к нему привыкла.

- Тебе пора задуматься. Через год ты достигнешь совершеннолетия.

Через небольшой разрез гробовщик ловко достал печень и убрал ее в сосуд, наполненный резко пахнущими консервирующими маслами и травами.

- Я об этом не думала, - соврала Лина, стараясь отмахнуться от разговора. - Год - это целая вечность.

На самом деле в последнее время она часто задумывалась о будущем. Лина не выбирала эту жизнь - за нее все решило родимое пятно. Точнее, ее родители, кем бы они ни были, когда оставили ее на произвол судьбы, вместо того чтобы растить Меченого ребенка.

- Нет, не вечность. Значит, ты глупая, раз считаешь, что можешь отложить думы на потом.

Лина пожала плечами, аккуратно сделав четвертый стежок сквозь тонкое веко. Пусть она и считала Виго невыносимым старым брюзгой, она все же его любила и знала, что он прав. Наклонившись для пятого, завершающего, стежка, она ощутила, что ее карман оттягивает медная бабочка, о которой она так никому и не рассказала. Лина понимала, что если кто-то увидит находку, то ее обвинят в краже могильного атрибута, что для Хранителя - страшное преступление. Но несмотря на запрет, она не смогла удержаться, и забрала ее себе. Бабочка стала для Лины единственной личной вещью.

- Ты хорошо справляешься с обязанностями гробовщика, - заметил Виго, хромая вокруг тела.

Он внимательно наблюдал, как Хранительница завязала нить и разрешила ее с помощью маленьких острых ножниц.

- У тебя твердая рука и спокойный характер. И ты с почтением относишься к покойным.

Лина бросила на Виго мимолетный взгляд. Не было сомнений, что сегодня его нога снова разболелась: морщины вокруг рта и глаз на его бледном лице выдавали напряжение. На месте ампутированной от колена ноги был приделан деревянный протез, и как бы Лина ни старалась найти подходящий прокладочный материал и правильный вид мази, культя почти всегда болела.

Девушка слегка улыбнулась и покачала головой, отложив иглу в сторону. Она не могла сказать ему правду, потому что вся эта работа заключалась исключительно в труде в склепах до конца своих лет. В чем тогда выбор? Подсознательно она коснулась темного родимого пятна размером с детский кулачок. Если бы не оно, Лина была бы обыкновенной девушкой. Интересно, где бы она сейчас была?

«Может, вместе с родителями в особняке Верхнего города, поедая сладости и весело смеясь...»

Она представила льющийся сквозь высокое окно яркий солнечный свет. Ей не пришлось бы носить капюшон, чтобы скрывать лицо. Девушка подняла голову к стеклянной крыше, представляя, как солнечное тепло ласкает ее кожу.

– Лина? – Виго бросил на девушку обеспокоенный взгляд. – С тобой все в порядке?

– Извините, – ответила она, возвращаясь к работе и продевая белую нить через ушко иглы.

Глупо фантазировать, как маленькая девчонка. Жизнь у всех стала сложной: уже целый год город находится в изоляции. Вместо того чтобы есть сладости в своих уютных комнатах, половина жителей погибла независимо от размера их кошельков. А другая половина живет в страхе. Как только облако сгустилось и потемнело, их мир был потревожен неестественными молниями и раскатами грома, принесшими с собой чуму. Эпидемия бушевала, распространяя болезнь, способную убить свою жертву в считанные часы. Чума вспыхивала трижды – всегда в самые теплые месяцы, как будто питаясь от скудного тепла горного лета. Сейчас на дворе стоял сентябрь, и последняя волна смертей подходила к концу.

– Почему бы не стать гробовщиком? – настойчиво продолжал Виго, вытаскивая из тела кишки. – Люди нуждаются в нас больше, чем когда-либо. У нас еще никогда не было столько работы. К тому же судья не будет искать среди нас чародеев. Ты всегда будешь в безопасности.

– Судья, – прошептала Лина. – Да... я буду рада держаться от него подальше.

С тех пор как заболел герцог, власть в свои руки взял судья. Правление его было весьма суровым. Как и большинство граждан, он не сомневался, что причиной появления неестественной бури и чумы послужила магия. Но в отличие от людей, он уделял особое внимание поиску причастных волшебников. Хранители поговаривали, что судья стал одержим этой идеей. Он приказывал стражникам искать свидетельства магии, сжигать книги с заклинаниями и всю атрибутику. А его злые псы загоняли всех подозреваемых в жуткую могилу у стен города. Иногда на рассвете Лина слышала в питомниках ужасающий вой собак. Но судья никогда не вмешивался в дела служащих Предкам Хранителей. Он любил Предков, и с тех пор как он принял бразды правления, количество церемоний и обрядов в их честь выросло втрое. Помимо возрождения старых молитв и ритуалов появилось множество новых.

Виго сбросил остатки пищи из кишечника на пол, в систему сточных вод, уносящую отходы из города.

– Что скажешь, Лина? Ты бы хотела стать гробовщиком?

Лина его не слушала. Да, в склепах она была в безопасности, но достаточно ли этого? Что, если склепы – не ее судьба? Что, если это ошибка? Может быть, родители на секунду оставили на ступенях маленькую корзинку, а когда вернулись, ее там не оказалось? Или ее случайно перепутали с другим ребенком? Что, если существует другая жизнь, которая предназначена ей судьбой? У нее возникало ощущение, что здесь ей не место, что она находится в ловушке. Глаза девушки наполнились слезами, а пальцы задрожали.

– Почему ты не отвечаешь? – отрезал Виго, убирая внутренности в их каменную могилу. Он тут же попытался смягчить тон, хотя голос все еще звучал раздраженно: – Если ты хочешь попробовать что-нибудь другое, ты просто скажи.

Виго неправильно понял ее молчание, и Лина тотчас почувствовала сожаление: он не виноват в ее печали. Собравшись с мыслями, девушка наконец сказала:

– Я бы хотела остаться с вами, Виго. Конечно, я останусь. Я просто хочу... Жаль, что мне не из чего выбирать. До карантина...

Лина оборвала фразу на полуслове и перевела взгляд на труп. Один его глаз с пришитым веком был открыт, тогда как другой все еще оставался закрытым. Выражение лица трупа напоминало абсурдное подмигивание.

Виго вздохнул, ловко запечатывая банку с кишками опухшей рукой.

– До карантина у тебя была возможность покинуть Княжеский лес. Ты ведь это хотела сказать?

Поставив банку, гробовщик вытер руки. Он выглядел очень старым и уставшим, но Лина знала, что он ее понял.

– Нет, я просто... – Она покачала головой. – Это мой дом, Виго. Но иногда он похож на тюрьму.

Виго вздохнул.

– Людям, как мы, суждено прожить такую жизнь, Лина. Ее подарили нам Предки. Я понимаю твое разочарование. В твоём возрасте я тоже мечтал повидать мир. Но что я мог сделать, будучи калекой? Да, в некотором смысле нам дарована жестокая судьба. Мои родители бросили меня после несчастного случая. На тот момент мне было шесть лет, и я уже был достаточно взрослым, чтобы запомнить их. Я помню их любовь, наш дом, моих братьев и сестер, и даже фамилию.

Лина молча вознесла слова благодарности своим родителям за то, что оставили ее совсем малышкой. Легче не знать, что ты потерял. Даже несмотря на то, что Виго разговаривал своим обычным сухим тоном, девушка все же уловила нотку боли в его словах.

– Это жестоко, – быстро продолжил он. – Но отнесись к этому, как к чести. Наши семьи бросили нас, отняли у нас фамилии и разорвали связь с кровными

Предками, но лишь для того, чтобы мы служили всем Предкам. Подумай над моими словами.

Лина задумалась, и у нее тут же возник вопрос, какой из трупов под горой связан с ней кровными узами. Возможно, когда-то она готовила тело к погребению, которое было ее тетей, двоюродным или родным братом, а она этого даже не поняла. Готовил ли Виго своих родителей и родных к похоронам? Узнал ли он их лица? Признал ли он в них своих родственников?

– Кроме как на похоронах, обычные люди никогда не видят Предков, – продолжал Виго, – а нам позволено находиться с ними постоянно. Разве это нельзя назвать благословением? Наша работа является самой священной из всех. Я здесь семьдесят лет, Лина, и могу сказать, что в жизни моей была цель, как и у всех, случались и радости, и печали. Много лет я был женат. – Глаза его внезапно наполнились слезами, и он тут же отвернулся. – У меня был ребенок.

Несмотря на искренность его голоса и подавляемые слезы, у Лины не было настроения ему подыгрывать. Не сегодня.

– Семьдесят лет в темноте, – заметила она, опуская иглу.

Лина взяла зеленый камень с нарисованным глазом, совсем не беспокоясь, что ее слова могли ранить чувства старика.

– Твоя семья жила и умерла в темноте. Я ничего хорошего в этом не вижу.

– Это не значит, что мы совсем не поднимались на поверхность, Лина, – отрезал Виго.

– Да, поднимались. Скрываясь под капюшоном! – спорила она, крепко сжав в ладони каменный глаз. – Мы должны оставаться под землей, – заметила Лина, указывая на замерзший стеклянный потолок и город за его пределами, – потому что они не хотят нас видеть, как будто стыдятся. Я не считаю себя избранной. Мне не кажется, что я особенная. Скорее, все с точностью наоборот.

Лина повернулась к открытому глазу, вытащила ложкой содержимое глазницы, угрюмо плюхнула глазное яблоко в медную посудину и вставила на его место

драгоценный камень.

Виго на мгновение замолчал, старательно занимаясь травяной смесью, которой заполнит полости мертвеца. В комнате стоял лишь стук пестика о дно ступки. В тишине Лина начала сожалеть о том, что так резко высказалась о жене и ребенке Виго, умерших еще до ее рождения. Но она просто не знала, как извиниться. Но внезапно слегка дрожащим голосом заговорил сам Виго:

– Мне жаль твои чувства. Если бы не карантин, у тебя была бы возможность уйти навсегда. Но сейчас...

– Я не говорила, что хочу уходить навсегда. – Лина опустила голову, чувствуя в груди жгучий и горячий стыд. – И я бы никому не пожелала стоять перед таким суровым выбором – остаться навсегда или уйти навсегда. Разве это правильно? Я лишь... Я просто хочу иметь настоящий выбор. Я хочу чувствовать, что сама принимаю решение.

Снова взяв иглу, она стала поднимать второе веко мертвеца, чтобы пришить и его.

И тогда произошло невероятное.

Глаз покойного повернулся к ней, бросив обвиняющий взгляд. Лина ощутила его движение.

Отскочив назад, девушка уронила иглу и нитку, а затем зацепила локтем урну с бесценным бальзамирующим маслом, которая рухнула на пол и вдребезги разбилась.

Виго посмотрел на Лину, как на сумасшедшую.

– Он...

Но стоило первому слову слететь с ее губ, как вдруг она замолчала. Глаз покойного замер без намека на жизнь.

– Я... Я неважно себя чувствую.

Она не лгала. Ей действительно стало плохо. Это просто игра воображения. Ей, безусловно, все померещилось. Несмотря на собственное недомогание, Виго отправил ее в комнату, настояв, что ей нужно отдохнуть. Лежа на кровати, словно труп, и глядя в потолок, девушка не почувствовала себя лучше. Она вновь и вновь возвращалась к тому моменту. Даже когда Ловец залез к ней на грудь, фырча, словно печка, она все равно ощущала себя оторванной от мира, запертой в том моменте ужаса. Неужели она сходит с ума?

Позже, во время ужина, она расспросила других Хранителей, не случилось ли такого, что Предки начинали двигаться во время подготовки к захоронению... Но это оказалось обычным делом. Сидящий напротив горбатый мальчик рассказал, что однажды во время его работы труп неожиданно пукнул. А глухая девушка жестами показала, что видела, как поднялась рука мертвеца, будто воздушный шар. Все засмеялись, и Лина с улыбкой кивнула, притворяясь, что ее случай ничем не отличается. Это правда: иногда содержимое животов наполняет тело газом, в результате чего оно может двигаться. Лина убеждала себя, что дело именно в этом, однако в глубине души она понимала, что это невозможно. Разве газ способен двигать глаза? Кроме того, взор покойного остановился на ней, будто зная, что она делала, о чем помышляла. Газ не способен на такие чудеса.

Следующим, что услышала Лина, оказались шаги. Выплывая мертвые листья, она поползла по земле, чтобы спрятаться в укрытие за деревом. Из тумана начала появляться тень. Лина пыталась подняться на ноги и бежать, но у нее ничего не получилось: ноги сводило от холода.

Тень превратилась в фигуру со светящимся фиолетовым шаром в руках. Незнакомец остановился перед ней, как будто с самого начала он двигался именно к Лине. Девушка в ужасе отпрянула. Его лицо представляло собой гладкую медную поверхность со стеклянными черными глазами и разинутым ртом, а от челюсти исходили слабые щелчки, напоминающие вращение шестерни. Опираясь на ствол дерева, Лина вскочила на ноги и поспешно вытащила из-за пояса нож.

– Не приближайся! – воскликнула девушка, дрожа и размахивая лезвием.

На нее лилось фиолетовое свечение. Оно исходило от наконечника длинной трости, которой незнакомец неожиданно ударил ее по руке. Выронив

серебряный нож, девушка прижала горящую от боли руку к груди.

Однако стоило ей вновь поднять глаза, как она поняла, что перед ней стоял вовсе не монстр. Странное лицо оказалось маской, а фигура принадлежала женщине – весьма богатой женщине. На ней было бархатное платье, стянутое поясом на крошечной талии; круглый золотой талисман, свисающий ниже груди; золотая трость и узкие лайковые сапоги. Длинные светлые волосы были собраны на макушке в тугий пучок. Вот только она была не обычной женщиной. Свет на ее трости был совершенно не похож на фонарь. Устройство излучало не желтый огненный свет, а неестественно фиолетовый. Как это возможно?

«Она – маг».

Внутри у девушки похолодело от ужаса.

Лина заметила, что женщина внимательно рассматривает ее выцветшее черное облачение и скрывающий лицо капюшон. Протянув трость, незнакомка откинула капюшон Лины, ослепив ей глаза фиолетовым светом. Светящимся шаром она подняла подбородок девушки и повернула ее голову сначала в одну, а затем в другую сторону. Лина ощутила странное жжение внутри стеклянного шара. Сердце билось в ее груди с бешеной скоростью. Казалось, глаза маски с отвращением, а может, и с любопытством разглядывают темное родимое пятно на нежной щеке Лины.

А затем сквозь решетку, закрывающую рот, послышался металлический скрежет:

– Значит, ты Хранительница. Что ты здесь делаешь?

Лина промолчала.

– Я задала вопрос. Что ты здесь делаешь? Разве город не на карантине? Отвечай правду, пока не закончилось мое терпение.

Женщина говорила таким властным тоном, что Лина побоялась не отвечать. Она встряхнула головой, пытаясь совладать с эмоциями.

– Меня... осудили за колдовство и приговорили к смертной казни. Я сбежала.
Судья... – Девушка замолчала, сжав кулаки от переполняющего ее горя и гнева.

– Судья? Что с судьей?

– С тех пор как начался карантин, он ведет охоту на магов. Он считает, что ответственные за появление грозового облака волшебники до сих пор скрываются в городе. Он осудил... меня. И убил моего...

Кем для нее являлся Виго? Родителем? Учителем? Дедушкой?

– Он убил моего хозяина за попытку меня защитить. Но Виго успел рассказать мне, где находится выход.

– Ясно.

Женщина в маске равнодушно посмотрела на собеседницу. Она не выказывала ни сочувствия, ни сожаления, но все же опустила трость. И почему-то Лине показалось, что та ее поняла.

Набравшись смелости, девушка заговорила вновь:

– Я... Пожалуйста, помогите мне. Я не знаю, как выбраться из леса.

Женщина медленно кивнула.

– Я помогу... Но и ты должна кое-что для меня сделать.

Лина ждала. Чем же она могла помочь этой леди?

– Меня преследует мужчина. Ты встретишься с ним на опушке леса. Его зовут Эмрис. Ты должна сообщить ему, что я тебе помогла. И скажи, что он ошибается. Скажи, что я невиновна. – Она легонько стукнула тростью по голове Лины. – Ты меня поняла, девочка? Повтори мои слова.

Лина опешила и покраснела от возмущения. Если бы она сейчас не так зависела от помощи этой незнакомки, она бы уже указала, куда ей засунуть свою трость.

– Я... Я должна сказать мужчине на лесной опушке, что вы мне помогли и что он ошибается, считая вас виновной.

«Но в чем ее обвиняют?» – задалась вопросом Лина.

– Все верно. – Женщина опустила трость. – Теперь иди. Есть в мире люди родом не из Княжеского леса. Остались еще те, кто не верит в его предрассудки, – добавила она с холодной жалостью. Проходя мимо, она продолжила: – Продолжай идти, чародейка. Иди по моим следам, и вскоре ты найдешь выход.

Лина наблюдала, как худощавая фигура исчезла в тумане, и неестественно фиолетовый свет ее трости постепенно спрятался за облаком. Чародейка. Дрожь охватила тело, и девушка сжала кулаки, чтобы остановить тремор.

Сделав глубокий вздох, Лина нервно сглотнула и попыталась расслабиться. Вновь ощутив твердую почву под ногами, она подняла с земли серебряный нож и спрятала его за пояс. Затем девушка перевела взгляд на то место, откуда появилась женщина в маске.

«Иди по моим следам».

Интересно, как? Во тьме и тумане она и свою руку перед глазами едва различала. Но внезапно следы ног женщины засияли.

Извилистая дорожка освещалась уходящими вдаль фиолетовыми следами. Лина поняла, что никогда бы не нашла путь без ее помощи. Петляющие лесные тропинки то появлялись, то вновь исчезали, пока грозное облако сверкало среди деревьев голубыми и зелеными вспышками, отбрасывая страшные тени. Но четкие следы уходили вдаль, где густой туман размывал их и превращал в слабые пятна света.

Лина двинулась вперед.

Констанция

К тому времени, когда девушка в маске увидела высокие деревянные ворота Княжеского леса, рассвет уже озарил грозное облако белым призрачным сиянием. Она вздохнула с облегчением, ведь все путешествие напоминало нескончаемый ночной кошмар. Подол ее плаща и длинного платья испачкался в грязи. Левая рука, сжимавшая трость, дрожала от напряжения. На лодыжке зияла глубокая рана: она оступилась на неустойчивом камне предгорья.

Но по крайней мере, ей удалось скрыться от Эмриса. Она давно поняла, что он отстал, и перестала чувствовать его присутствие. Ее душила грусть. Увидит ли она его снова? В любом случае, она надеялась, что незнакомка доставит послание.

Девушка остановилась, и сердце ее замерло так же быстро, как до этого воспрянуло с надеждой. Прямо из грозного облака поднимались огромные деревянные ворота высотой в пятнадцать футов. Крепкие каменные стены сплошь поросли мхом. Плющ пустил свою поросль вдоль старой древесины. Листья его выглядели больными и серыми, но стебли до сих пор оставались крепкими, влажными, напоминающими змей. Ворота не открывались уже два года, но, казалось, их заперли гораздо раньше. На них висела темная потертая деревянная табличка с написанными белой краской буквами. Незнакомка приблизилась, чтобы прочитать текст за завесой густого облака:

«КАРАНТИН ПО ПРИКАЗУ ГЕРЦОГА».

Подойдя к воротам, она положила руку в перчатке на цепи, обвивающие центральные балки. Интересно, что она найдет по ту сторону? Карантин. Она вспомнила статьи в газетах двухгодичной давности и людское потрясение, когда внезапно целый город закрылся от мира. Но вчерашние газеты растоптали в канавах, и вскоре люди забыли о печали. Да кого вообще заботит подобное место? Город на горе, в лесу, город, затерянный в неизвестности.

К ее удивлению, металл отреагировал на прикосновение теплым покалыванием. Даже через тонкие шелковые перчатки она ощутила вибрации магии.

Девушка повернула колесико на маске, и вид перед глазами тотчас изменился: физический мир померк и размылся, а деревянные ворота превратились в коричневый водопад. Перед ней открылся магический слой мира, добавляющий четкость окружающему пейзажу. Вокруг вспыхнуло сияние грозового заклятья. Она знала, что если обернется, то увидит светящиеся тропинки – вены и артерии заклинания, которое помогало не заблудиться в лесу. Если посмотрит на себя, то заметит не просто тело, а переплетение фиолетовой магии, струящейся в тандеме с кровью – хотя и слабое после такого долгого путешествия. Но здесь присутствовало что-то еще. Совершенно другой вид волшебства.

В замешательстве она стала рассматривать замок и цепи. Металл находился под защитой сияющей красной магии. Девушка потянулась, чтобы прикоснуться к замку и исследовать чары. Она поняла, что перед ней находится защитное заклятье, такое же прочное, как доспехи. Потускневший цвет свидетельствовал о давности наложенной магии – возможно, это случилось во время закрытия ворот. И бесспорно, сотворил эти чары опытный маг. Заклинание казалось простым, но при этом необычайно мощным. Судя по цвету магии, защиту поставил один из последователей Джока, покровителя воинов. Кто бы то ни был, он забрел далеко от дома.

Девушка нахмурилась. Странно, ведь незнакомка в лесу сказала, что судья казнил магов. Да и Княжеский лес известен своей неприязнью к волшебникам. Ей это известно, как никому другому. И все же, казалось, заклинание наложено для того, чтобы не дать жителям Княжеского леса сбежать.

«Или, возможно, защитить от проникновения в город».

Кто сотворил заклинание, которое защищает цепи от ржавчины и крепко держит замок? Для чего оно нужно – сдержать жителей или не впустить врага? Как удалось сбежать чародейке? Неужели в стене есть лазейка?

«Сейчас нет времени на раздумья. Сосредоточься на том, чтобы попасть внутрь».

Девушка собрала все оставшиеся силы, чтобы снять заклинание. Она прислонила трость к цепи и попыталась уничтожить красную магию, но дрожь в левой руке усилилась.

– Чертов замок, – выругалась девушка и сжала кулак, чтобы успокоить тремор.

Наконец старый ржавый металл содрогнулся, сияя фиолетовым свечением, и замок на другой стороне открылся, с грохотом упав на землю. Тяжело дыша через медную решетку маски, волшебница уверенной правой рукой ослабила цепь и проскользнула сквозь созданный в воротах зазор.

«Дом, милый дом», – с горечью подумала она.

Под подошвой лайковых сапог хрустели кости. Девушка огляделась и снова включила режим физического мира, чтобы сосредоточить внимание на окружающей обстановке. Из кучи костей на нее пристально глядел человеческий череп, а рядом лежали бедренная кость и грудная клетка с остатками плоти.

Присев на корточки, она подняла среднюю, похожую на плечевую кость, и стала внимательно ее рассматривать. На белом покрове явно виднелись крошечные зазубрины – следы от зубов. Девушка снова вгляделась в сгущающийся мрак, зрение ее обострилось от внезапной вспышки гнева. Груды человеческих останков теснились у ворот, как будто до сих пор хотели сбежать. Среди этой кучи виднелась крошечная рука ребенка.

«Охота на магов?»

Девушка в лесу сказала, что судья казнил волшебников, но она и представить не могла подобные масштабы. Тем более в самый разгар эпидемии. Если это дело рук судьи, то как герцог мог позволить этому случиться?

Ощувив внезапный прилив сил, чародейка выпрямилась и отбросила кость в сторону.

Закрывая ворота, она снова поставила магическую защиту. Уж если кто-то и решит проверить, то все равно не догадается, каким образом она вошла.

Нижний город изменился до неузнаваемости. Шесть лет назад в магазинах толпились покупатели, а площадь усеивали торговые палатки. Теперь здесь все опустело. Над скользкой мощеной дорогой виднелись черные окна домов, окутанные ядовитым облаком. Временами оно вспыхивало синим и светло-

зеленым сиянием, а рядом с ухом взрывались пугающие раскаты грома. Грозовое облако. Да, именно так его называли. Вглядываясь в жилые дома, где все еще горел слабый свет, девушка заметила рваные шторы, грязные заслонки и щели в дверных косяках, заткнутые старыми тряпками. Осажденные дома.

Незнакомка пересекла Верхний город с опустевшими особняками. Дорога к замку на самую вершину горы оказалась крутой и труднопроходимой. Несколько раз она спотыкалась, тяжело опираясь на трость. Она полагалась лишь на тиканье механизма в маске, защищающей от тумана и его пагубного воздействия. На протяжении всего пути грозное облако лежало на земле, словно спящий зверь, но стоило ей приблизиться к вершине, туман начал рассеиваться, открывая обзор на возвышающуюся башню. Силы у нее были почти на исходе, с брови скатилась бусина холодного пота.

– Кто идет?

Наверху, на узкой тропинке, по обе стороны от кованых крепостных ворот стояли две фигуры. Подойдя ближе, девушка услышала лязг вытасканных из ножен мечей и мельком заметила стальной блеск в полумраке.

– Стой, во имя герцога!

Она подчинилась и остановилась в нескольких шагах от ворот.

– Вы со всеми гостями так обращаетесь? – сухо спросила пришедшая девушка.

Раздались поспешные шаги, и вскоре из мрака появилась еще одна фигура в громадном меховом плаще и с торчащей из наплечных ножен рукоятью меча.

– Что происходит?

– Нарушитель, милорд, – ответил один из стражников.

– Я не нарушитель, – возразила гостья, удивляясь силе и ясности собственного голоса.

Она подошла ближе. Как только туман рассеялся, стражники ахнули от удивления.

– Что это за существо...

– Стой, где стоишь!

Они настороженно подняли мечи, и за остроконечными железными шлемами девушка разглядела их глаза. Она замешкалась, но быстро поняла, почему стражники так испугались. Стоило только представить, как выглядела для них механическая маска: непроницаемый металлический фасад, страшный рот, широкие круглые демонические глазницы.

– Расслабьтесь, – произнесла она. – Это всего лишь маска. Смотрите. – Девушка медленно расстегнула кожаные ремешки и обнажила лицо.

На прохладном влажном воздухе кожу начало покалывать. В одно мгновение она почувствовала, что силы вновь ее покидают. Крепко сжимая маску, девушка пыталась скрыть нарастающую в руке дрожь. Тремор прошел, и она быстро спрятала устройство в специальный потайной карман плаща. Одновременно с этим девушка пыталась незаметно рассмотреть широкий двор за воротами. Здесь туман казался достаточно слабым и не представлял опасности для глаз. Сквозь прозрачную пелену она разглядела несколько зданий в том самом дворе, где бегала в детстве. Внезапно на нее нахлынула волна печали и вины. Как это было давно... А сейчас в узкий дверной проем спешила прачка с корзиной белья, бросая любопытные взгляды на происходящую суматоху.

К железным вратам приблизилась третья фигура в меховом плаще и со спрятанным за решеткой лицом. Девушка сразу его узнала: черные вьющиеся волосы, как у матери; бледная кожа, на которой только начал появляться намек на бороду; уставшие теплые темно-карие глаза.

Не веря своим глазам, гостя покачала головой. Когда она покинула стены города, этот симпатичный юноша был неуклюжим одиннадцатилетним мальчишкой.

– Уинтон, – тихо произнесла она.

Мужчина смотрел на нее в недоумении, но пока он внимательно изучал лицо незнакомки, девушка наблюдала, как негодование и подозрение постепенно сменились восторгом.

– Констанция, неужели это ты?

Она улыбнулась.

– Да, это я. Я вернулась домой.

Когда Уинтон выкрикнул приказ открыть ворота, Констанция поняла, что ее прибытие наделало шуму: поблизости собрались несколько слуг, лакей в черной ливрее копошился в дверях, леди с любопытством высунулась из окна верхних комнат. На звук скрипящего железного колеса, поднимающего крепостные ворота, пришли и другие зеваки: очевидно, посетители в замке – редкое явление.

Констанция никогда не видела двор настолько людным и одновременно тихим: все застыли в ожидании.

Ворота поднялись, и девушка вошла во двор. Уинтон встал напротив, глядя на нее горящими глазами.

– Предки милостивые, что с тобой произошло? – вскрикнул он. – Я думал, ты мертва!

Не дожидаясь ответа, Уинтон заключил девушку в крепкие объятия – так быстро, что она едва успела спрятать левую руку за спину. Юноша был на полдюйма ниже, но, обняв его правой рукой за плечи, Констанция ощутила, насколько крепким мужчиной он вырос.

Во дворе раздался громкий звон, прокатившийся по каменным сооружениям странным эхом. Выпустив девушку из объятий, Уинтон обернулся. Констанция сразу заметила источник шума: резко открывшаяся дверь, которая громко ударилась о стену. Справа от ворот на ступенях высокой круглой башни (Северная башня, как она помнила) стоял мужчина в богатом, но небрежном бархатном одеянии. Взгляд его был диким; длинная седая борода спуталась, а

запястья казались чрезмерно худыми. Мужчина пристально посмотрел на Констанцию и с диким выражением лица поспешил к ней сквозь ползущий туман, путаясь в полах своего черного плаща.

Констанция нахмурилась. Неужели они знакомы?

– Моя дочь! Моя дочь! – кричал он.

С дрожью в сердце она узнала незнакомца.

Это ее отец. Герцог.

Ей тотчас же захотелось скрыться от него и от страшной правды.

«Мой отец безумен».

Шесть лет назад отец был самым здоровым, самым практичным человеком из всех, кого она знала. Он однозначно был здоров. Вспомнив его сдержанный, но в то же время решительный взгляд, она никак не могла сопоставить того отца с теперешним привидением, которое бросилось к ней сквозь грозовое облако.

Не успел отец и приблизиться, как из Северной башни выбежал высокий мужчина в коричневом плаще лекаря с множеством карманов.

Герцог взглянул на Констанцию, и на секунду его темные глаза прояснились. Тогда она ощутила, как смущение в ней сменилось жалостью и ужасом. Голова отца склонилась, будто под тяжестью мыслей, ей на плечо, и, прижав дочь к себе, он начал безудержно рыдать. Девушка чувствовала, как текут его слезы. Это действительно отец? Констанция подавила страх, когда костлявые руки герцога крепко обняли ее. Ей пришлось задержать дыхание: его грязные седые волосы слишком дурно пахли. Как герцогиня допустила подобное? Почему не предоставила ему должный уход?

Она заставила себя обнять отца в ответ и через его плечо встретила взглядом с Уинтоном. Брат опустил глаза.

Констанция аккуратно отпрянула от герцога и обратилась к брату.

– Уинтон, где твоя мать? – тихо спросила она.

Юноша покачал головой, и тогда Констанция впервые заметила, что он одет во все черное.

– Она... умерла. Еще и двух недель не прошло.

– Все... ясно...

Несмотря на потрясение, Констанция не показала Уинтону наигранной скорби. Герцогиня не слишком любила Констанцию, дочь первой жены герцога. Его вторая жена была гордой уроженкой Княжеского леса, в то время как мать Констанции, Пейшенс, была чужеземкой. Покойная герцогиня родилась в семье мелкого дворянина, а Пейшенс принадлежала к знатному валорианскому роду. Мать Уинтона первой заметила странность Констанции и постаралась, чтобы та никогда об этом не забывала. Тем не менее сердце ее болело за брата, ведь ей хорошо известно, что значит потерять мать.

– Мне очень жаль, – искренне соболезновала она, сжимая плечо Уинтона.

Собравшаяся во дворе толпа, окутанная до колен густым туманом, с любопытством и надеждой наблюдала за воссоединением семьи. Стоя в облаке, они напоминали парящих в воздухе призраков.

– Те, кто не знает меня, я – Констанция Рэтбоун. Первый ребенок герцога и наследница Княжеского леса, – отчетливо и властно заявила она.

Это была уловка. На самом деле ее одолевала слабость. Сердце быстро стучало в груди. Но Констанция все это время продолжала взглядом следить за мужчиной в коричневом плаще, который, проталкиваясь через толпу с решительным выражением лица, скользнул в открытую дверь неподалеку.

Словно напуганный ребенок, герцог стоял рядом с дочерью, держа ее за правую руку. Пока она говорила, отец не сводил с нее глаз. На лице его сияла широкая улыбка, и он не обращал внимания на ее состояние.

Констанция обеими руками опиралась на трость, чтобы не упасть. Пальцы в перчатках сводило от напряжения.

Двор по-прежнему оставался тихим и мрачным.

Девушка постаралась взбодриться:

– Неужели это все приветствие? Меня не было дома целых шесть лет! Нужно вечером устроить пир!

Кое-где раздался шепот и взволнованный шум. Констанцию била легкая дрожь.

– А завтра в полдень мы созовем Витенагемот...[1 - Витенагемот – народное собрание в англосаксонский период истории Англии.]

Внезапно раздался щелчок боковой двери. В открывшемся проеме, словно взволнованный зверь, клубился туман. Все тот же лекарь в коричневом плаще придерживал дверь для высокого и крепкого мужчины. Вошедший был облачен в черную королевскую военную форму и носил пышные усы, а его прямые седые волосы были аккуратно завязаны на шее. Это был королевский судья. Непроизвольно девушка крепче сжала кулаки.

Вместе с судьей во двор проследовала огромная гончая, рыча на собравшуюся толпу. Констанция узнала породу: она идентична охотничьим собакам в питомниках отца. Однако вместо привычного коричневого или черного окраса невероятных размеров собака отличалась белой шерстью. Ее тело было поджарым и мускулистым, а голова почти достигала талии Констанции. На правом глазу виднелся шрам – пятно поразительно розового цвета на фоне бледной короткой шерсти. При этом левый глаз оставался ярко-желтым и злобным.

Констанция бросила беглый взгляд на брата и заметила хмурое выражение его лица. Судья же шагнул в ее сторону, сверкая золотыми пуговицами на черной шинели. Его лицо неодобрительно скривилось. Толпа смолкла. Все любопытные взоры потупились, не слышались взволнованные разговоры о празднике. словно под действием магнита, взгляды горожан притянулись к земле. Люди отшатнулись от собаки и убрали руки, как будто боясь нападения. Шесть лет назад, когда Констанция покинула стены города, судья выполнял

исключительно административную роль: он являлся представителем короля и следил за налогами и толкованием законов в Княжеском лесу. Кроме того, он служил в роли посла. Констанция вспомнила предыдущего королевского судью – доброго и очень пожилого мужчину, питающего слабость к кремовым пирожным. Он умер от старости около десяти лет назад, и вместо него назначили другого. По сравнению с предыдущим новый судья всем казался строгим. Вот только глядя на отца, судью, Уинтона и толпу, стало ясно, что одной лишь строгостью дело не обошлось: теперь он обладал реальными полномочиями.

Вслед за судьей последовала свита в черной форме, окружив Констанцию, словно рябь на воде. Гончая трижды гавкнула, и против своей воли девушка вздрогнула, сердито глядя на пса.

– Сидеть, Барбарус, – резко скомандовал судья.

Гончая повиновалась. Констанция заметила на теле собаки еще не заживший след от кнута.

Высокий, крепко сложенный лекарь в коричневом плаще был мужчиной с худым красивым лицом. Его короткие каштановые волосы были подстрижены в военном стиле, а острые скулы и подбородок выказывали некую жестокость. Он протянул герцогу руку:

– Идемте, милорд. Позвольте, я провожу вас в покои. Пора принимать лекарства.

Герцог испуганно съежился, и Констанция незамедлительно положила руку на его плечо.

– Отойдите от него, – отрезала она. – Вы кто?

– Доктор Джонас Торн, миледи, – ответил мужчина сухим, но воодушевленным голосом. – Лекарь герцога. Я полагаю, вы знакомы с нашим регентом – королевским судьей?

Регент? Значит, он действительно правил вместо отца. Девушка выпрямилась и встретила взглядом с судьей. Хотя Констанция была высокой, а возраст судьи подходил к семидесятилетию, он все еще обладал преимуществом в росте.

– Шесть лет прошло, – напомнил судья низким, непререкаемым голосом. – Мы думали, вас нет в живых.

– Что ж, значит, неправильно думали, – насмешливо ответила Констанция.

– Вы ведь понимаете, что город на карантине? – пренебрежительно спросил судья, игнорируя ее слова. – Разве вы не заметили табличку и запертые ворота? Как вообще вы попали внутрь?

Белая гончая зарычала на Констанцию, но стоило судье слегка приподнять руку, как собака замолчала, съезжившись у его ног.

– Мне известно о карантине и о вашей охоте на магов, – заявила она, с ужасом вспомнив разбросанные у ворот кости.

Будучи уроженцем Княжеского леса, судья двадцать лет прослужил в армии короля, после чего вернулся домой с недоверием к чужеземцам и решимостью вновь заявить о Предках. Он всегда был известен своей ненавистью к магии, но Констанция не могла понять, что оказало настолько сильное влияние на его убеждения.

– Как представитель короля, я обязан приложить все усилия, чтобы грозное облако и вызванная им эпидемия не проникли за пределы Княжеского леса. Поиск и истребление магов, ответственных за появление облака, – это мой долг как регента и стража Предков, – пояснил судья, глядя на Констанцию яростными голубыми глазами.

– Почему вы так уверены, что облако имеет волшебное происхождение? И даже если это так, с чего вы взяли, что создавший заклятье маг до сих пор находится в стенах города? – поинтересовалась Констанция. – Ваши действия жестоки и безнравственны.

Судья скривил рот.

– Неестественность облака не вызывает сомнений. А в поисках преступника, как и в преследовании бесчестных магов, я руководствуюсь законами и обычаями королевства и Княжеского леса. Я повторю свой вопрос: как вы проникли

внутри?

Констанция проигнорировала слова.

– Я видела не одну сотню костей. Неужели все они бывшие маги? Даже дети?

Под ледяным взглядом судьи душа Констанции дрогнула.

– Волшебство имеет загадочную природу. Однако к делу это не относится. Вы нарушили закон и отказываетесь отвечать на поставленный вопрос.

Толпа начала волноваться. После его слов с разных сторон послышался шепот, полный сомнения и страха. По кивку судьи облаченный в черное одеяние стражник шагнул вперед, схватил Констанцию за правую руку и оттащил от отца, чье лицо мгновенно скривилось.

– До наступления суда вы останетесь под арестом. Вы обвиняетесь в нарушении карантина, – произнес судья стальным голосом.

Герцог начал хныкать, а затем из его горла вырвался пронзительный вопль.

Констанция часто мечтала о возвращении в город, пока жила в храме. Она всегда знала, что будет непросто. Но чтобы настолько? Ее отец стал беспомощным. Город страдал от деяний судьи и охоты на магов. Город жил в страхе и печали. А ее путь теперь закончится в тюремной камере – или того хуже. Констанция сжала кулаки, крепко обхватив трость левой рукой.

«Нет, так все закончиться не может».

Внезапно из толпы раздался еще один голос.

– Судья, я могу согласиться, что покинуть пределы города – незаконно, но... Разве входить в город тоже запрещается? – Вперед проталкивался высокий, стройный мужчина с закутанным в шарфы лицом и одетый в яркую шелковую одежду цвета индиго.

– Лорд Ирвин, – спокойно начал судья с ноткой ненависти в голосе, – будучи Мастером Меча, вы вряд ли компетентны в законодательных вопросах.

«Лорд Ирвин?»

Сердце Констанции забилось быстрее. Она помнила его семнадцатилетним юношей, когда они сражались в садах, сверкая шпагами в солнечных лучах.

– Что ж, ладно... Лорд Вередит? Вот вы где! – Ирвин обратился к дряхлому старику, которого Констанция смутно помнила из детства. – Я полагаю, вы как раз прекрасно разбираетесь в этих вопросах. Не могли бы вы изложить судье вашу позицию?

– Д-да... – заикался старик, с явным ужасом глядя на судью. – Прошу меня простить, но... Я боюсь... Если мне не изменяет память... то... – Он кашлянул. – Увы, я полагаю, Мастер Мечей прав. – Он повысил голос и начал цитировать залиистой трелью: – Книга Законов, раздел восьмой, пункт тридцать...

– Что ж, прекрасно, милорд, – перебил Ирвин. – Я полагаю, всем теперь ясно. Я и мои люди с радостью сопроводим леди Констанцию в ее покои и лично убедимся, что она получит все необходимое для вечерних празднеств.

Констанция мельком увидела нескольких мужчин в ярких небесно-голубых ливреях. Было понятно, что свита судьи и Ирвина примерно равна по количеству. Какое-то время Ирвин и судья не сводили друг с друга глаз.

– Милостивый Митрис, – пробормотала Констанция, вырвавшись из неуверенной хватки стражника судьи. – Прекратите этот балаган!

Ирвин и судья моргнули в явном изумлении.

– Я займу свои прежние покои на вершине Южной башни. Могу я попросить принести мне горячей воды? Спасибо. – Глубоко вздохнув, девушка наклонилась и поцеловала щеку плачущего отца. – Увидимся на празднике, отец. Прошу вас, не плачьте. – Констанция повернулась к Уинтону. – Я сожалею о герцогине, брат. Я искренне сожалею.

Констанция направилась сквозь расступающуюся толпу в квадратную Южную башню, тяжело стуча тростью по мощеной дороге.

Она медленно поднималась по лестнице, с трудом переводя дыхание. Ступеньки расплывались перед глазами. Почти. Дома. Правой рукой в перчатке она держалась за перила, а дрожащей левой крепко сжимала трость. Трemor не прекращался, и эта легкая дрожь сводила ее с ума. Добравшись до верха, она услышала, как открылась и вновь закрылась дверь внутреннего двора.

- Констанция? - раздался голос Ирвина.

- Я в порядке. Позвольте мне отдохнуть, - почти крикнула она.

Наконец девушка добралась до двери своей комнаты. Ее покои совсем не изменились, сохранив следы потертостей от постоянных ударов ногой, и инициалы, вырезанные на деревянном полотне в тринадцать лет перочинным ножиком. К.Р.

- Констанция! Подождите! - Ирвин мчался вверх по лестнице, перешагивая зараз несколько ступеней.

Вздыхнув, девушка открыла дверь.

Потрясенная Констанция тяжело облокотилась на дверной косяк - внутри спальня теперь напоминала помойку. Пыльная кровать оказалась завалена бумагами; шторы на окнах разорвались. Прикроватный сундук для игрушек, который Констанция покрасила в ярко-розовый и желтый, едва виднелся среди кучи перевернутых сломанных стульев. Основную часть комнаты захлamlяла куча разбитой мебели. Здесь пахло старым деревом и гнилью. К своему удивлению, девушка заметила расческу, оставленную ею на туалетном столике много лет назад. Сейчас ее покрывал толстый слой пыли и паутины, и лежала она в углу возле грязного окна. С открытым от удивления ртом Констанция вошла в спальню, и в ту же секунду на этаже появился Ирвин.

- Констанция... - Его дыхание было ровным и спокойным, несмотря на столь спешный подъем. - Я не хотел, чтобы вы увидели свою комнату. Мне очень жаль.

– Что здесь произошло? – поинтересовалась она тихим голосом, звук которого ей самой был неприятен.

– Когда сгустился туман и началась буря, все захотели получить место в замке: видимость здесь лучше, а обстановка спокойнее. Большая часть Верхнего города переехала в замок. Безусловно, чума унесла множество жизней, но все равно людям нужно было где-то жить. – Ирвин вздохнул. – Ваш отец запретил пользоваться этой спальней. И тогда...

– И тогда она превратилась в свалку. Теперь ясно, как люди ко мне относились, – заметила Констанция, чуть не заплакав от обиды.

– Это неправда, Констанция. Я полагаю, отец берег ее на тот случай, если вы вернетесь.

«Он просил никогда не возвращаться», – вспомнила девушка, качая головой.

Констанция повернулась лицом к лорду Ирвину.

– У меня и в шестнадцать лет имелись враги. Герцогиня, например, – уточнила Констанция, но вдруг вспомнила, что та мертва. – Я готовилась противостоять ей, но теперь...

Ирвин стянул с лица шелковые шарфы. Шесть лет спустя он выглядел иначе, но в то же время остался прежним. В свои двадцать три он был немного старше Констанции. У него были высокие заостренные скулы и смуглая кожа восточного валорианца, доставшиеся по наследству от матери. В семнадцать лет он был долговязым неуклюжим юношей, за исключением тех случаев, когда держал в руках тренировочный меч. Но с тех пор его лицо изменилось, и он превратился в высокого, стройного, уверенного в себе мужчину. Его яркие зеленые глаза блестели подобно драгоценным камням, именно так, как она помнила с детства.

– Я рад, что вы вернулись, – неожиданно признался Ирвин. Щеки его запылали под пристальным взглядом Констанции.

Рот девушки дрогнул в дразнящей улыбке.

- Так где вы предлагаете мне спать?

Ирвин прокашлялся:

- Комнаты первого этажа вполне пригодны для жизни. Я боюсь, это единственное, на что вы можете рассчитывать. У нас не хватает рабочей силы. Я уже послал несколько слуг, чтобы они подготовили спальню.

- Когда-то эти комнаты принадлежали моей матери, - заметила Констанция.

Когда мать умерла, Констанции было всего четыре года, но воспоминания о ней сохранились достаточно ясно.

Ирвин моргнул.

- В Восточной башне осталась еще одна пустая комната, и я слышал, что в северном крыле...

- Все нормально. Я останусь внизу, - ответила девушка, сомневаясь, что сможет еще раз преодолеть путь через двор.

К моменту прихода Констанции первый этаж словно превратился в бурлящий котел. Спускаясь, через открытую дверь она заметила внутреннюю часть комнаты и лакея, принесшего корзину с дровами. Горничные своей маленькой командой убирали с кровати грязные простыни, стелили чистые одеяла, подметали пол и разводили огонь в испачканном сажей камине. Дверь за лакеем закрылась, и Констанция нерешительно замерла: от старых привычек тяжело отказаться, а маскированные жрицы научили ее слушать, прежде чем заходить. Сплетни не заставили долго себя ждать.

- Говорят, гончие вернулись голодными. Они так и не поймали ее.

- Думаешь, она все еще в городе?

- Констанция? - раздался за спиной голос Ирвина.

– Прошу прощения, – ответила она, одарив его легкой улыбкой. – Я давно здесь не была.

Распахнув дверь, Констанция и лорд Ирвин оказались на пороге комнаты. Голоса слуг мгновенно стихли. Со времен ее матери обстановка существенно изменилась: исчезли индивидуальность и характер. Интересно, кто здесь жил после нее? Они тоже здесь умерли? Внезапно ее внимание привлекла сидуха у окна. Она подошла к стеклу, чтобы взглянуть на темный двор, и как только прикоснулась коленями к выбитым от пыли синим бархатным подушкам, ощутила знакомое чувство. Констанция не сидела здесь с детства. Давным-давно, купаясь в солнечных лучах, здесь отдыхала ее мама. Ее каштановые волосы были заплетены в косы вокруг головы на заграничный манер. Даже спустя столько лет память Констанции ничуть не померкла. Она всегда отличалась прекрасной памятью.

Слуги поспешно вышли, и лорд Ирвин присоединился к Констанции возле окна.

– Я оставлю вас отдохнуть перед праздником. Вам принесут освежающие напитки. В сундуке возле кровати лежит одежда Ливии. Она должна вам подойти. Ливия... Она умерла прошлым летом. Чума и ее не пощадила.

Челюсть Ирвина напряглась. Констанция помнила его сестру. Она была старше его на три года. Ливия... Настоящая красавица со смуглой кожей и смеющимися черными глазами. Она обожала танцевать. Будучи совсем бледной, Констанция мечтала походить на сестру лорда Ирвина.

– Мне очень жаль, – скромно ответила Констанция. – Это был последний случай чумы?

Ирвин кивнул.

– Слава Предкам, мы не слышали об эпидемии уже больше года. Этим летом чума нас пощадила. Надеюсь... с вашим прибытием... этот кошмар закончится.

– Возможно, – прошептала она в ответ.

Констанция отвернулась, стараясь не демонстрировать изумление.

«Прошло больше года».

Она вспомнила описание заклинания с подробными сведениями о его росте...

«Заклинание зреет шесть полных лет. В первый год появляется пар и легкий туман. На второй год туман сгущается, образуя грозное облако. Следующие три лета оно пирует на людских смертях. На шестом году болезнь уходит: наступает затишье перед бурей. А затем, осенью, начинается рождение...»

Она взглянула на лорда Ирвина, стоящего у окна, и подошла к нему. Облако то сгущалось, то вновь истончалось, напоминая трюк низкопробного фокусника, который поочередно закрывает двор от взора, а затем демонстрирует его наличие.

«Затишье перед бурей», – подумала Констанция и нахмурилась.

– Но... Почему тогда умерла герцогиня?

– Болезнь легких. Она долго болела, и ее смерть никого не удивила, но...

Услышав нерешительность в тоне Ирвина, Констанция решила сама закончить фразу:

– Но легче от этого не стало. Бедный Уинтон.

Но Ирвин покачал головой, будто она неправильно поняла ход его мыслей.

– Настоящее потрясение случилось во время похорон, – объяснил он. – Вот там-то была... действительно травма.

Констанция повернулась к нему лицом.

– Что вы имеете в виду?

– Сейчас в замке только об этом и говорят. На похоронах присутствовала девушка. Хранительница. Она заканчивала нанесение священной мази, но

стоило ей коснуться губ герцогини... – Ирвин покачал головой, будто не мог поверить в свои слова. – Тело... Оно пошевелилось.

– Пошевелилось? – Сердце Констанции забилося быстрее, а по спине пробежал холод. – Наверняка на то есть объяснение... Хранительница могла нечаянно ее толкнуть...

Констанция замолчала. Ирвин снова покачал головой.

– Движение было слишком точным. Поверьте мне, я видел своими глазами.

– Что именно произошло?

– С кошачьей ловкостью рука герцогини поднялась и схватила девушку за запястье, словно желая ее остановить. Целую секунду рука не выпускала ее из крепкой хватки, пока не упала без признаков жизни. – Он взял паузу, как будто подбирая слова. – По моему мнению, это магия. Вчера девушку судили, и, разумеется, Витенагемот приговорил ее к смерти. Судья натравил на нее гончих, как он это делает со всеми своими осужденными. – Ирвин сглотнул. – Что бы она ни сделала, она все равно не заслужила подобную смерть. Этого никто не заслуживает.

Констанция убрала за ухо прядь волос.

– Несчастный Уинтон. Должно быть, на долю секунды он решил, что его мать жива.

– Он бросился к ней, убежденный, что это ошибка. Но момент надежды делает горе еще больше невыносимым. – Ирвин грустно улыбнулся.

Несколько секунд они молчали, испытывая ужас от произошедшего. А затем Констанция заговорила снова:

– Пока мы не зашли в комнату, я слышала, как слуги обсуждали девушку. Они говорили, что она сумела сбежать.

Ирвин кивнул.

– Говорят, Хранительница каким-то образом скрылась от гончих. Судья полагает, что она все еще в городе, поэтому ввел комендантский час и разносит весь Нижний город в ее поисках.

«Но ее нет в городе».

От одной мысли, что она помогла чародейке-Хранительнице сбежать из-под носа судьи, Констанция почувствовала легкий трепет радости. Выглянув в окно, она посмотрела на кружащее облако, которое облизывало стекло, озаряясь синим свечением. Констанция прекрасно помнила, когда начали проявляться ее собственные магические способности: она заставляла предметы парить или даже летать по комнате. Видимо, это случилось и с девушкой. Хранительнице просто не повезло оказаться в тот момент перед сотней людей, прощающихся с покойной герцогиней.

На лестнице слышались шаги, и вскоре раздался стук в дверь.

– Входите, – пригласила Констанция.

Вошли четверо слуг, каждый из которых нес по два медных чайника с горячей водой. Ирвин повернулся к Констанции и улыбнулся, внимательно посмотрев на нее.

– Я так рад увидеть вас снова, – тихо признался он. – Я и не думал, что мы когда-либо встретимся. И мне очень жаль, что вы вернулись в столь изменившееся место.

– Я рада, что вернулась, – ответила она, улыбаясь. В словах ее не было лжи.

– Я поговорю с вами позже, наедине, – обещал Ирвин, бросив взгляд на слуг. – Сейчас вам нужен отдых. Мы сможем встретиться в саду после праздника? Я буду ждать возле нашего фонтана.

– Договорились.

Ирвин повернулся, чтобы уйти.

– Лорд Ирвин?

Он остановился.

– Спасибо.

Ирвин лучезарно улыбнулся и покинул покои в вихре шелкового плаща.

З

Змей

Как это часто бывает, буря разразилась раскатами грома, будто спящее существо пробудилось от кошмара. Лина вздрогнула, следуя среди нескончаемых деревьев по светящимся следам. В темноте моросил дождь, и бледные сине-зеленые вспышки молний отбрасывали длинные извилистые тени. Гром стелился по влажной земле, звуча, как недовольный рев. Несмотря на теплое облачение Хранителей, оно совершенно не подходило для подобных прогулок: Лина промокла и продрогла до костей. Ее путь казался бесконечным. Через некоторое время грозное облако начало рассеиваться, и Лина смогла расслабить пальцы, вцепившиеся в развевающуюся на ветру одежду. Деревья начали редеть. Они стали выше, их кора толще и темнее, и здесь она была уже не так усеяна древесной губкой. Вскоре сквозь кроны деревьев показалось небо, и девушка смогла разглядеть сияющие над головой звезды. Сердце ее замерло: она не видела звезд годами. Лина устремилась вперед, внезапно ощутив прилив надежды. Но опасения все равно не покидали ее: грозное облако могло снова сгуститься и погрузить все во тьму.

Но пугало ее вовсе не облако.

Она услышала кое-что еще. Шуршание в опавшей листве. Тихое с-с-с-с...

Незамедлительно в ее голове раздался голос Виго. Память заговорила с ней так же ясно, как свет звезд над головой:

«В лесу живут змеи, которые целиком могут проглотить человека».

Его истории всегда заканчивались смертью.

«Пожалуйста, не сейчас. Не тогда, когда я так близка к цели».

Лина достала кинжал и направилась к источнику шума, вглядываясь в бесконечную тьму между деревьями. Внезапно слабая вспышка молнии на долю секунды высветила блестящую, длинную, извилистую форму. Это мог быть всего лишь мокрый от дождя древний корень... Но нет, это не корень. В мгновение ока существо ускользнуло в лес.

Возможно, у него появилась добыча посущественней.

Переведя дыхание, Лина ускорила шаг, крепко, до боли, сжимая нож. Если бы существо напало, ей пришлось бы его убить: ничто не остановит ее на пути к цели.

Через несколько минут тропа привела девушку к широкому полю, где свечение следов исчезло.

Почувствовав, что выход близко, Лина позволила себе расслабиться и опустила кинжал.

Внезапно резкая жгучая боль пронзила бедро девушки. Вскрикнув, Лина вслепую ударила ножом. Змей быстро шмыгнул назад и выпрямился почти в ее рост, шипя и преграждая путь. Он был невероятных размеров. Существо свернулось на дороге, демонстрируя свои большие белые клыки. В фиолетовом свечении его темная чешуя сияла серебристо-синим, а глаза напоминали сверкающие черные камни.

Одной рукой Лина сжала пульсирующую ногу, а другой выставила перед собой нож. Сердце билось с неистовой скоростью. Девушка стиснула зубы, чтобы противостоять боли и чувству странной легкости и дезориентации.

«Нет, я так не умру. Не здесь. Не сейчас».

Сердце наполнилось решимостью, и страх отступил.

Она вновь ударила ножом, но змей оказался слишком неуловимой мишенью: он без труда увиливал от выпадов. Внезапно Лина почувствовала слабость в подкосившейся ноге и опустилась на одно колено. Змей, казалось, заметил это, потому что расслабился, опустился и стал наблюдать.

«Ждет. Ждет, когда я умру», – осознала она.

Лина резким движением кинула кинжал и заставила себя подняться на ноги. Затем бросилась бежать настолько быстро, насколько позволяла ей травмированная нога. Сапоги с грохотом ступали по мертвым листьям. Этот хромящий бег напоминал биение сердца: бум-бум, бум-бум, бум-бум.

Но ее побег длился недолго.

Споткнувшись, Лина упала лицом во влажную землю – во второй раз за ночь ее рот оказался полон гнилыми листьями и сырой почвой. Выплюнув грязь, девушка перевернулась на спину и попыталась подняться на ноги. Но боль стала невыносимой. Чем больше она боролась, тем сильнее ощущала циркуляцию яда в крови, который истощал ее силы, обвивал горло невидимыми пальцами. Лина задыхалась, отчаянно глотая частички воздуха. Мир превратился в водянистую, удушающую темноту, и ей казалось, что вот-вот она в ней утонет.

Единственный звук, который был слышен из темноты, – скольжение змея по лесному покрову.

Горло ее сдавило, а рот открылся. Лина почувствовала, как холодная чешуя касается ноги в том месте, где задралась одежда. Она ощущала, как змей оборачивается вокруг пульсирующего бедра. Несмотря на попытки борьбы, Хранительница поняла, что она парализована. Пальцы едва подергивались. Яд прошел сквозь тело, как темная веревка, приковав ее к земле. Наконец змей добрался до грудной клетки, впился в свою жертву немигающим черным взглядом, а затем поднял над ней холодное тяжелое тело. Боковое зрение начало пропадать; в ушах стоял глухой гул. Рот змея открылся, обнажив в ярком звездном свете зловещие острые клыки. Лина не сомневалась, что последней в ее жизни картиной станут змеиные глаза, хладнокровно наблюдающие за ее смертью.

Ее грудь наполнилась ужасом. Окружающие ее запахи странным образом усилились: влажные мертвые листья, гнилой подлесок, поросшие мхом камни. Muskusный запах ночи и грибной аромат деревьев. Сверкающее вихревое облако на вершине горы, приносящее запах электричества и дыма, похожее на летний ураган.

«Значит, так выглядит момент смерти?»

И тогда из центра ее тела вырвался холод и растекся по коже, покалывая лицо, пальцы, ступни.

«Душа покидает тело».

Хватка ослабла, и рука упала.

В момент полного смятения она услышала поспешные шаги, которые остановились рядом с ней.

«Я сплю?»

Мрак поглотил ее.

Ощувив на лице брызги воды, Лина очнулась и резко открыла глаза.

Возле нее сидел молодой смуглый юноша, лицо которого украшали три серебристых параллельных шрама. Казалось бы, нужно испугаться, но Лина была слишком растеряна. Между желто-красными осенними деревьями над головой она увидела сине-фиолетовое небо с розовыми облаками.

Рассвет.

Несмотря на замешательство, Лина поняла две вещи: она выжила и сбежала. Грозовое облако не кружило среди здоровых стволов; не было вспышек молнии; не слышалось ворчания спящего чудовища. Воздух был чист. Однако горло высохло и болело, а во рту появился странный, неприятный вкус.

- Что случилось? – прохрипела она.

- Держи, – ответил мужчина низким голосом, предлагая флягу.

С благодарностью Лина припала к сосуду, разливая по подбородку прохладную воду.

- Тебе повезло, что я оказался рядом, – заметил мужчина с незнакомым резким акцентом. – Пусть ты и победила змея, но яд убил бы тебя в течение часа.

«Змей!»

Лину охватила паника, и она поднялась на локтях, ища взглядом последствия битвы. Безжизненное змеиное тело лежало у ног, словно выброшенная лента. От блеска в его глазах не осталось и следа.

«Это я сделала?» – изумилась девушка.

Взгляд Лины вернулся к незнакомцу. Он был полностью в сером: узкие штаны, туника и плащ, закрепленный на шее серебряной брошью в виде полумесяца.

- Мне пришлось стаскивать с тебя зверя, – заявил мужчина. – Заклинание, которое ты наложила, сработало вовремя.

«Заклинание?»

Ее горло сжалось от изумления.

«Как я?..»

Лина жадно отпила воды, чтобы избавиться от горечи во рту и охватившего ее смятения, но тут же закашлялась.

- Тише. Не торопись. – Его теплая рука легла ей на плечо.

Лиана вздрогнула. За всю жизнь она прикасалась только к Виго и покойникам, и уж тем более никто никогда не трогал ее.

– Я тебя не обижу, – ласково произнес незнакомец, убирая руку.

Лиана тихонько глотнула воды. Придя в себя, она заговорила хриплым голосом:

– Кто вы?

– Меня зовут Эмрис Локлейд. Я Третий Охотник в храме Фола, хотя я не думаю, что тебе это о чем-то говорит. Ты из Княжеского леса? – поинтересовался он, но, не дожидаясь ответа, продолжил: – Как тебя зовут?

«Эмрис. Эмрис».

Лиана вспомнила: это мужчина, которого, по словам леди в маске, она должна была встретить. Незнакомка просила сказать ему... Мысли и воспоминания спутались в голове девушки. «Сосредоточься». Поморщившись, она глотнула воды.

– Я Лиана. Я... – Она не могла вспомнить... Во рту все зудело. – Что это за вкус?

– Ядогуб. Травяная смесь, очищающая кровь от большинства природных ядов, – пояснил Эмрис, улыбаясь. Три серебристых шрама сморщились вместе с улыбкой. – К сожалению, на вкус он не лучше яда, но это ощущение скоро пройдет. Что ж, Лиана, как думаешь, ты сможешь встать?

Лиана слегка приподнялась, чувствуя головокружение. Она смотрела в сторону леса, где между деревьями виднелись темные зеленые тени, а туман крался вокруг корней, словно охотящаяся за добычей кошка.

Эмрис подал ей руку, но Лиана с недоумением взглянула на его жест и поднялась самостоятельно.

– Что чародейка делает в Княжеском лесу? – поинтересовался Охотник. – Вернее, за его пределами. Я думал, в Княжеском лесу маги не живут. И разве город не на карантине?

– Я не чародейка, – инстинктивно возразила Лина.

Внезапно вспомнив о родимом пятне, она надела капюшон.

– Не нужно, – сказал напряженным голосом Эмрис и слегка коснулся ее запястья. Лина чуть не вздрогнула от прикосновения, но сумела сдержаться. На самом деле было приятно ощутить на коже слабое тепло его пальцев.

– Но я Меченая, – смущенно объяснила девушка. – Хранительница склепов. Вы не должны прикасаться ко мне или видеть мое лицо.

– Меченая? – Он покачал головой, убрав руку с запястья. Из его уст это слово прозвучало пустым, лишенным привычного смысла. – И? Что это значит?

Лина не сводила глаз с его шрамов: ей казалось, что она очутилась совершенно в другом мире. И похоже, так и случилось. Она вспомнила слова женщины в маске: «Есть в мире люди родом не из Княжеского леса. Остались еще те, кто не верит в его предрассудки». Конечно, она знала, что за пределами города существует другой мир... Но ведь Эмрис даже понятия не имел, что значит «Меченый». Осознание происходящего сразило ее, словно удар под дых.

– В Княжеском лесу, – начала она, слегка затаив дыхание, – Меченым детям суждено служить Предкам. Они становятся Хранителями. Под «Мечеными» я имею в виду что-то наподобие этого... – Лина указала на родимое пятно. – Или глухота, слепота, потеря конечности...

«Как у Виго...»

Мысли о нем отозвались сильнейшей душевной болью, поэтому Лина поторопилась продолжить:

– Хранители могут быть мечены не только снаружи, но и внутри. Например, могут иметь иной образ мыслей.

– Не мне судить... Но, Лина, ты больше не в Княжеском лесу. Можешь снять капюшон.

Девушка нерешительно уступила. Эмрис прав: она больше не в Княжеском лесу. Ей понравилось ощущать ласкающий кожу прохладный лесной воздух.

– Как ты выбралась? – спросил Эмрис более мягким голосом. – А что с карантинном? И лес... Даже я не смог бы пройти сквозь грозное облако. Любое известное мне навигационное заклинание выходит там из строя.

– Мой... Мой хозяин рассказал мне, что выход из города находится под стеной, – объяснила Лина. – А потом я встретила идущую в противоположную сторону девушку. Она волшебница. – Лина вспомнила ярко-фиолетовое свечение на трости незнакомки. – Она велела идти по ее следам. Я так и сделала.

– Девушку в маске? – хмуро уточнил Эмрис. – Она помогла тебе?

Лина кивнула, неожиданно вспомнив ее наставления.

– Она просила передать вам сообщение. Она сказала... что вы ошибаетесь и она невиновна.

Эмрис нахмурился, медленно запуская пальцы в короткие курчавые волосы, а затем покачал головой.

– У меня еще остались вопросы, и я уверен, у тебя тоже. Но в дороге у нас будет много времени.

Лина моргнула.

– В какой дороге?

– Будучи Охотником, я обязан отводить неподготовленных магов в Город Королей, чтобы дать возможность пройти обучение, – объяснил мужчина, внимательно глядя на Лину.

– Что? – Лина насторожилась и отошла от него, внезапно ощутив недоверие. – Но я не маг! Я же говорила! Я никуда с тобой не пойду! Я тебя даже не знаю!

Его лицо стало серьезным.

– Лина, я знаю, мы пока мало знакомы, и ты пребываешь в смятении. Будь ты не из Княжеского леса, я бы предъявил документы и удостоверения, чтобы убедить тебя в своем статусе. Но раз ты не местная, ты все равно ничего не поймешь. Просто доверься мне. – Эмрис слегка улыбнулся. – Считай этой платой за спасение жизни.

– Но я не волшебница! – снова возразила Лина, сжимая кулаки. Казалось, ее тело восстает, пытаясь защититься от самой этой идеи.

Эмрис заговорил с невыносимой настойчивостью и спокойствием:

– Ты – волшебница. – Он указал на неподвижный труп змеи. – Вот доказательство. Возможно, тебе пока трудно в это поверить, но я точно не ошибаюсь. У меня остался еще один вопрос, но он может показаться странным. Когда ты впервые столкнулась с чем-то необъяснимым? С чем-то, что произошло с тобой или в твоём окружении против твоей воли?

Лина удивленно моргнула. Но стоило ей взглянуть на серьезное лицо Эмриса, как желание возражать тотчас пропало. Вместо этого она вспомнила тот первый случай, когда мертвец пристально посмотрел ей в глаза.

– Около года назад, – тихо ответила Лина.

Паника сковала ее грудь и плотно прижалась к легким.

– Потом все ухудшилось? «Необъяснимое» стало более могущественным и менее поддавалось контролю?

Лина вспомнила последний случай, который произошел несколько недель назад, когда холодная костлявая рука герцогини до боли крепко схватила ее запястье. В тот момент Лина едва касалась тела: она лишь легонько провела пальцами по губам. Девушка кивнула, не в силах говорить.

Эмрис перевел взгляд на змея.

– И я полагаю, ты не планировала его убивать.

Лина покачала головой.

– Если в ближайшее время не доставить тебя в храм, ты, как и окружающие тебя люди, подвергнешься огромной опасности. – Охотник приблизился. – Лина, вероятно, ты не готова, но магия – это часть тебя. И нравится тебе или нет, ты должна принять ее и научиться контролировать.

Лина кивнула в ответ. Неужели это правда? Сердце твердило «нет», но Эмрис говорил слишком убедительно. С удивлением она посмотрела на свои ладони, будто там можно было найти ответы на все свои вопросы.

Эмрис направился сквозь поредевший лес в сторону бледных солнечных лучей, но Лина замешкалась. Охотник обернулся.

– Пойдем. Разве ты не хочешь знать, что с тобой происходит? Здесь ты ответы не найдешь.

В растерянности Лина дотронулась до бабочки в кармане, погладив изящную филигрань крылышек. Стараясь успокоиться, девушка повернулась к границе леса и новому миру за его пределами, и с последним взглядом на убитого огромного извилистого зверя девушка последовала за Эмрисом.

На опушке леса их ждала большая серая карета без окон, запряженная двумя коричневыми лошадьми. Сбоку на корпусе виднелся белый трафаретный силуэт лучника, направляющего стрелу в тонкую серповидную луну над головой. Покрытая серебром карета выглядела обшарпанной и разбитой.

По ту сторону кареты, под небом из розовых и оранжевых облаков, простиралось пустое кукурузное поле. Лина остановилась. От непривычного ощущения играющего в волосах ветра у нее перехватило дыхание. Как давно она не видела такого прекрасного неба? В детстве ей разрешали играть в саду с другими Хранителями, но только по ночам. Днем вид на окружающий мир закрывал тяжелый, уродливый шерстяной капюшон. Руки инстинктивно дернулись к головному убору, но Лина остановилась: как же приятно ощущать на лице утреннее солнце; ветер, треплющий убранные в хвост волосы; холод и свежесть в легких.

«Почему я должна отказываться?» – подумала Лина, глубоко дыша.

Ведь она больше не Хранительница склепов, и прятаться теперь не нужно. Лина почувствовала, как счастье переполняло ее душу, сменяясь неистовым страхом перед неизвестностью. Если она больше не Хранительница, то кто? Волшебница, как утверждал Эмрис? От одной только мысли по телу прошла дрожь.

Спереди кареты сидел кучер в серой форме и большими глотками пил из фляги воду. Крепкий, тучный мужчина средних лет с обернутыми в коричневый шерстяной плед ногами первым делом обратил внимание на родимое пятно на щеке девушки и только потом встретился с Линой глазами. Она сразу опустила взгляд. Забравшись на три ступеньки, Эмрис позвал кучера. Они о чем-то пошептались, и тот снова посмотрел на девушку, но на этот раз с большим подозрением.

– Тебе стоит привыкнуть к подобным взглядам, – шепотом произнес Эмрис, спускаясь вниз.

Охотник предложил Лине руку, чтобы помочь забраться в карету.

– Диких опасаются во всем Валориане.

– Диких?

– Общее название для непосвященных магов. Таких магов, как ты.

Лина в недоумении покачала головой.

– Я думала, ты понял, что к взглядам я привыкла, – едко заметила девушка, глядя из кареты Эмрису в глаза.

С поднятой бровью Охотник мимолетно посмотрел на родимое пятно, но в его глазах не было ни капли осуждения.

– Возможно. Но люди за пределами Княжеского леса смотрят на родимое пятно иначе. А вот стоит им узнать, что ты Дикая, то станут смотреть и гадать, убьешь ты их или нет.

Эмрис одарил ее беспокойной улыбкой, отчего шрамы на лице снова сморщились. Нахмурившись, Лина заняла место в карете.

Большое транспортное средство, несомненно, создали с целью практичности, а не комфорта. Оно оказалось настолько высоким, что внутри можно было встать в полный рост, хотя голова Эмриса почти упиралась в потолок. Вдоль стен располагались узкие скамейки и места для хранения различных вещей. Решетчатые деревянные дверцы шкафчиков были перевязаны веревкой, а плетеные ящики закрыты петлями из ниток. Окон внутри не оказалось, поэтому Эмрис зажег прикрепленную к потолку лампу. В ровном освещении Лина мельком увидела свернутые одеяла, миниатюрную железную печку, коробку с надписью «Панацея» и вторую коробку под названием «Ядогуб». Там находились и другие предметы неясного назначения (пучок аккуратно сложенных в углу веточек; пара ярких медальонов на крючке; подвешенная к потолку кипа необычных кожистых листьев). Нос забился запахами соленого мяса и старого пота.

Эмрис постучал в потолок, и карета отправилась в путь. Придерживаясь за стеллаж, он вытащил из ящика пару длинных белых перьев, лист из пучка на потолке и несколько шелковых черных нитей. Наконец, взглянув на Лину, Эмрис снял со стены серый плащ, идентичный его собственному.

– Вот, возьми, – обратился он, – ты вся дрожишь.

Это было правдой: одежда девушки промокла от густого тумана и пота, и ей стало холодно. С чувством благодарности Лина закуталась в серый шерстяной плащ, более мягкий и тонкий, чем ее облачение. Кроме того, в накидке имелась черная фланелевая подкладка, отчего появилось желание укутаться в нее полностью.

– Ты назвал себя Охотником. Что это значит? – поинтересовалась Лина.

Эмрис сел напротив, оперев локти в колени.

– Я расскажу тебе, но пока я готовлю амулет, мне нужна тишина, – объяснил Эмрис, медленно сплетая нити, перья и лист. – А ты постарайся отдохнуть, если сможешь.

- Но...

- Доверься мне. - Он мельком улыбнулся. - Пока я работаю, ты от меня ничего не добьешься. Труд слишком кропотливый. Придется потерпеть.

Лина расслабилась, прислонив голову к деревянным панелям кареты. Она закрыла глаза, радуясь нескольким минутам покоя. Карета с грохотом катилась по ведущей из леса неровной грунтовой тропе. Дорога убаюкивала, и какое-то время в голове не появлялось ни одной мысли. Но вскоре воспоминания вторглись с такой силой, будто их разом вылили из ведра.

Внезапно она перестала радоваться тишине и закрыла глаза, надеясь остановить подступившие слезы. Эмрис сказал, что она волшебница. Лина никогда не думала, что такое возможно - даже когда ее осудили. Однако она не могла отрицать, что странные события прошлого года собирались в одно большое объяснение, подобно деталям детской головоломки. И если все это правда, она никогда не сможет вернуться домой.

Дом... Да разве это дом, если в нем нет Виго? Виго ненавидел магию. А если бы Лина оказалась волшебницей, он бы и ее возненавидел? Боль нахлынула на нее, когда события прошедшего дня вспыхнули в ее голове. Виго мертв. Виго мертв. И это ее вина, в конце концов. Она его предала.

Большая шаткая карета ехала по плохой дороге, и Лину сильно качало из стороны в сторону при малейших неровностях. С болью в душе девушка думала о Виго. Она вспомнила историю, как он нашел ее. Виго рассказывал о том дне привычным сухим тоном, пока она лежала на матрасе в углу кухни рядом с теплой печкой. Лине на тот момент было девять лет. Недавно она стала спать на кухне вместо маленькой детской кровати в комнате Виго и изо всех сил старалась не бояться.

«Через десять лет после смерти моего мальчика я нашел тебя в деревянном ящике на ведущих к склепам ступеньках. Это случилось на рассвете. Тебе, наверное, исполнился день, и ты плакала, как голодный цыпленок, завернутая в тонкую льняную ткань. Я сразу понял, что тебя послали Предки. Я накормил тебя коровьим молоком и достал из шкафа пустую пыльную кровать сына. Ты сразу уснула, как я тебя уложил. Я назвал тебя Линой в честь своей жены, Элины».

Всякий раз, когда Виго говорил об Элине, глаза его наполнялись слезами. Он сразу притворялся занятым или менял тему разговора. Но именно в тот раз он улыбнулся.

«Знаешь, Элина была прекрасна».

«Но разве она не Меченая?» — с любопытством спросила Лина.

«Да. В результате пожара с одной стороны тела она получила множество шрамов. Сначала она злилась на Предков за то, что они отправили ее в склепы в десятилетнем возрасте. Но она была сильной, решительной и бесстрашной, а ее глаза... — Он покачал головой, как будто воспоминания переполнили его чувства. — Она сияла красотой, невзирая на свои увечья. Как только я увидел тебя, Лина, твое лицо и сжатые от гнева кулачки, я понял, что ты такая же. Такая же, как и она. Ты — борец».

4

Пир

После ухода лорда Ирвина Констанция аккуратно положила маску, кулон и трость на туалетный столик. Она избавилась от накидки, заперла массивную деревянную дверь на замок и для верности дернула ручку еще раз. Заперто.

Подойдя к подоконнику, Констанция убрала с сидухи бархатную синюю подушку. Под подушкой находился небольшой отсек. Сунув палец в отверстие, она потянула крышку и с улыбкой обнаружила небольшую стопку запрещенных книг, которые оставила ее мать. Девушка погладила пальцами потертый кожаный переплет. Атлас мира. Учебники колдовства. Истории кукольных театров на юге острова, где выросла ее мать. Когда Констанция была ребенком, эти книги казались ей настолько родными, насколько близок был голос матери.

Чувствуя жжение слез, она закрыла сиденье и вернула подушку на место.

Расстегнув грязное платье, она позволила шелковистой ткани упасть на пол и погрузилась в горячую ванну. Констанция сняла правую перчатку, но не прикоснулась к левой: она держала ее поднятой, положив на медный край ванны. Дрожание стихло до неестественной вибрации в пальцах.

Черная бархатная перчатка была натянута выше локтя, но белая рубцовая ткань все равно выглядывала наружу. Констанция закрыла глаза. Каждый раз, когда она видела шрамы, она вспоминала холодную вспышку боли. Почти ощущала ее. Сила памяти была почти невыносимой.

Она пыталась избавиться от мыслей, пока вода согревала ее тело. Ей нужно думать о предстоящей задаче, а не о прошлом. Констанция чувствовала, как грозное облако сгущалось, заряжаясь электричеством.

Как только она расслабилась, комната озарилась вспышками света. Вместо грома воздух наполнился паром и тишиной. Констанция вылезла из ванны, завернулась в банные полотенца и легла на кровать матери. Сколько времени прошло с тех пор, как она здесь отдыхала, раскидав по подушке волосы? Сейчас детство, как никогда, казалось далеким. Вспомнив объятия матери, Констанция погрузилась в глубокий сон.

К тому времени когда Констанция проснулась, на улице уже стемнело. Она чувствовала, что могла спать и дальше, но вместо этого достала из шкафа один из лучших нарядов – красное бархатное платье с меховым воротником и вышитыми на рукавах золотистыми листьями. Поверх платья девушка надела круглую подвеску на длинной цепочке, сверкающую в свете огня. После минутного колебания она открыла медальон и взглянула на яркое зеркало, но увидела лишь пару собственных темно-синих любопытных глаз. Она подышала на стекло, чтобы оно запотело, и поводила над ним пальцами. Как же ей хотелось снова увидеть его и поговорить. Но что она скажет? Прекратив свои тщетные попытки, Констанция захлопнула медальон.

Она уже и так опаздывала. Сунув маску в потайной карман фиолетового плаща, девушка набросила его на плечи, взяла трость и вышла из своей комнаты – из комнаты матери – заперев дверь. Шагая по двору, она громко стучала тростью во мрак, вызывая странное искаженное эхо, как будто рядом с ней шли невидимые сущности. Констанция уже и забыла, что значит находиться в

Княжеском лесу и чувствовать постоянное присутствие Предков, с осуждением наблюдающих за ней. Да, теперь она поклонялась богам, но ощущение присутствия Предков оставалось таким же сильным, каким было всегда.

Они никогда не хотели ее присутствия.

Из большого зала – самого старого здания в замке – раздавались голоса. Он был построен на сотни лет раньше самой древней Восточной башни. Зал, окруженный остальными зданиями, растянулся почти на целое крыло между Южной и Западной башнями. Как старый многоглазый зверь, защищающий клад от врага, он глядел на грозное облако, сияя освещенными окнами.

Констанция поднялась по ступенькам и с улыбкой открыла дверь. Однако радость ее мгновенно сменилась изумлением. Шесть лет назад, когда она покинула город, зал переполнялся жителями замка, но теперь он оказался наполовину пуст.

Брат и Мудрецы сидели за высоким столом – по крайней мере, они показались ей Мудрецами. Старые и дряхлые, они ковырялись в еде, как невоспитанные дети. Констанция узнала нескольких: лорд Вередит, эксперт по правовым делам; лорд Реддинг, который сажал Констанцию к себе на колени, когда та была совсем маленькой девочкой. Среди них был и лорд Фарли. На момент ухода Констанции из города лорд Фарли только женился, однако теперь он сутуло и одиноко сидел над бутылкой. Остальные явно попали сюда за счет вакуума власти, который щедро создала эпидемия, и большинство из них Констанция не знала. Отец сидел среди гостей. Ужасающий лекарь в коричневом плаще стоял над герцогом, пока тот с несчастным видом ковырялся в еде, в замешательстве глядя по сторонам. Единственный свободный стул стоял возле герцога. С другой стороны сидел ее брат, Уинтон. Лорд Вередит занял место напротив. Лорд Ирвин сидел чуть дальше за столом.

Констанция двинулась через центральный проход к столам, и люди смолкли, провожая девушку взглядами. Заняв свое место, она натянула широкую любезную улыбку, но стоило ей повернуться лицом к гостям, она сразу заметила подозрительное отсутствие: судья.

«Что ж, я не могу заставить его праздновать свое возвращение, – думала она. – Кроме того, он прислал свое “существо” в качестве шпиона».

Констанция обернулась и бросила резкий взгляд на доктора Торна, который подавал отцу вино из некрасивого оловянного кувшина. Она вспомнила, как по ее прибытии в стены замка он поспешил к судье. Заметив взгляд Констанции, лекарь отошел в тень, обнимая свой кубок и спокойно кивая в знак приветствия.

«Ему будет что передать», – подумала Констанция с легкой улыбкой.

Повернувшись лицом к остальной части зала, она постаралась скрыть тревогу.

– Я очень рада оказаться дома, – тихим, спокойным голосом начала она. – Спасибо вам за теплый прием. Вероятно, всем интересно, где я была. Полагаю, мое исчезновение породило множество слухов, и вы не понимаете, почему я вернулась только сейчас.

Уинтон смотрел на сестру с особым вниманием.

– Я жила в Городе Королей у семьи матери, – заявила Констанция. – Когда в Княжеском лесу образовалось облако, отец тайно меня выслал. Он хотел меня защитить. На тот момент герцог не представлял, насколько ужасным станет облако, но после первых признаков грозы он понял, что наследницу княжества нужно уберечь и выучить искусству правления. – Констанция положила руку на ладонь отца, надеясь, что он не окажется в здравом уме и не воскликнет о ее лжи. – Но теперь он нуждается в моей защите. Как и все вы. Я вернулась, чтобы помочь. Отец оказался один на троне без совершеннолетнего наследника. Ему некому предложить регентство. – Она нежно улыбнулась Уинтону. – А после сокращения населения и недавней смерти герцогини править стало еще тяжелее.

На лице брата вспыхнула боль, и Констанция сочувственно сжала его плечо.

– Но теперь я здесь. Завтра в полдень я созываю Витенагемот. Ввиду болезни отца я намереваюсь обратиться к Мудрецам с просьбой передать мне регентство.

В зале раздался шепот. Кто-то сказал, что судья не допустит этого, но Констанция не смогла разобрать, чей это голос. Она проигнорировала предупреждение.

– Жаль, что у меня не было возможности вернуться раньше. Давайте же поднимем бокалы за мое возвращение, за новые начинания и наше будущее!

Высоко подняв полный кубок, Констанция взволнованно наблюдала, как гости нерешительно поднимались на ноги с бокалами в руках.

– За возвращение. За новые начинания. За наше будущее, – бормотали они.

Она еще никогда не слышала настолько неубедительного тоста.

Констанция села и наполнила тарелку едой, надеясь, что ее лицо не выдало явное облегчение. Лгать она умела, как никто другой. Она никогда бы не добилась своего положения в храме, если бы не умела врать. И все же от этой лжи на душе остался горький осадок.

«Ложь соседствует с правдой, – Констанция вспомнила шепот жрицы в маске. – Раскрывай правду постепенно и осторожно, и лишь для того, чтобы убедить в своих словах. Береги ее, как зеницу ока».

Уинтон наклонился к уху и заговорил тихим взволнованным голосом, хотя на фоне грохота тарелок и шума разговоров можно было и не шептаться.

– Сестра, я, безусловно, поддержу тебя. Но ты серьезно думаешь, что судья будет сидеть сложа руки?

Констанция пережевывала восстановленную рыбу. Отвратительный вкус. Пищу на стол явно принесли из многочисленных запасов, десятилетиями хранящихся в замке на случай осады. Тем не менее ей пришлось это проглотить – нужно было запастись силами.

– Нет, без боя он не сдастся, – согласилась Констанция. – Однако выбора у него все равно не будет.

Уинтон легонько покачал головой.

– У него самая большая свита в замке. Под его командованием находится триста человек, а пока твое регентство не признано, он имеет право командовать

городской стражей. А их двести человек... – Уинтон взял паузу. – Нет, пятьсот.

Констанция опустила вилку.

– Я умею считать, Уинтон.

Глядя на напряженное лицо брата, Констанция сразу пожалела о своей грубости.

«Уинтон – союзник, а не просто младший брат, – напомнила она сама себе. – Пусть он и не достиг совершеннолетия, он все равно уже не ребенок».

– Прошу прощения за грубость, – быстро извинилась она. – Я устала с дороги, и возвращение домой оказалось весьма печальным.

Уинтон кивнул и улыбнулся. Он не умел долго обижаться, даже в те времена, когда был маленьким мальчишкой, а Констанция – вредным подростком.

– Не бери в голову. Я все понимаю. – Уинтон потянулся к центру стола и оторвал ломоть хлеба.

«Ничего ты не понимаешь», – подумала Констанция.

Несмотря на свои мысли, она продолжила:

– А что насчет остальной свиты?

Этот вопрос прозвучал не только с целью интереса, но и для того, чтобы брат ощутил свою нужность.

– Лорд Ирвин... – Уинтон смущенно сглотнул. – Обладая статусом Мастера Меча, лорд Ирвин имеет в распоряжении около двухсот пятидесяти человек. Да, это меньше, чем у судьи, но сражаются они лучше.

Когда-то стражники Мастера Меча являлись самой значимой силой Княжеского леса: бойцы в тысячу раз превосходили по силе остальных воинов. Двести

пятьдесят... Этого, конечно, мало.

– Что касается остальной знати, их свита исчисляется десятками. Раньше их было больше, но... – Уинтон печально покачал головой. – Погибло слишком много людей. А теперь еще и матушка...

Несмотря ни на что, Констанция тоже ощутила боль утраты – тяжело видеть младшего брата в такой печали.

– Лорд Ирвин рассказал, что случилось на похоронах. Мне очень жаль, Уинтон.

Брат покачал головой. Констанция заметила, что он сдерживает слезы.

– Я просто... не могу поверить, что ее больше нет. Она долго болела... и вдруг... Но потом, на мгновение... я подумал...

Констанция сжала правой рукой его плечо. Сон и еда помогли ей окрепнуть, но магия и эмоции до сих пор беспорядочно бурлили внутри ее тела, подобно расстройству желудка. Успокоив дыхание, как ее научили в храме еще в самом начале обучения, она ощутила, как успокаивается и сердце. Вот только Уинтона никто не учил справляться с эмоциями.

– Все хорошо, Уинтон. Теперь я здесь, – успокаивала сестра.

– Прости. – Он отстранился и встал с места, стараясь сдержать слезы. – Мне нужно отойти... на минуту.

И он выскользнул из служебных дверей в задней части зала, возбуждая шепот и привлекая к себе взгляды.

Констанция хотела последовать за братом, чтобы утешить его, но она поняла, что должна остаться. Как будущему правителю, ей нужно стать сильнее, спокойнее и умнее остальных. Констанция отпила вино. Худший урожай. Несмотря на резкий вкус дубильных веществ, она с наслаждением почувствовала обжигающее тепло, скользнувшее по горлу.

Герцог сидел возле своей дочери, размазывая еду по тарелке, словно не понимая, для чего она нужна. Лекаря поблизости не оказалось.

– Отец, съешьте что-нибудь, – нежно обратилась к нему Констанция.

Она помогла отрезать кусочек рыбы и поднести его ко рту. Герцог пережевывал пищу с открытым ртом, как ребенок.

Лорд Вередит потянулся к Констанции.

– Рад снова вас видеть, дорогая, – прошептал он, похлопав ее по руке. – Вы превратились в прекрасную молодую женщину. Как дела у семейства Сантини?

Сантини – семья матери Констанции. Их поместья на юго-востоке Валориана находились на скоплении островов, разбросанных, как веснушки, в неглубоком лазурном море, и назывались Островами Желаний. Когда-то давно они являлись отдельным королевством. Даже сейчас территория Островов славилась необычной свободой и странными обычаями, а графиня Сантини своей независимостью. Поскольку семья матери редко навещала Княжеский лес, Констанция никогда не встречалась с ними, однако о них она знала.

– Все хорошо. Дядя Альберто передавал привет. Я полагаю, вы познакомились, когда состоялась встреча с моей матерью?

– Да-да. Вот чудеса!

Лорд Вередит отпил суп, большая часть которого стекла по его бороде.

– О, какой был чудный день. Светило солнце, и о грозном облаке еще никто и не помышлял. Целая толпа собралась в Нижнем городе, чтобы поприветствовать новую герцогиню, которая прибыла в Княжеский лес в позолоченной карете. – Глаза его словно заволкло пеленой. – Она была красивой, голубоглазой, грациозно высокой и обладала прекрасной золотистой кожей. У вас ее фигура, дорогая, и глаза тоже, – заметил Вередит. – А вот цвет кожи достался от отца.

Лорд продолжил, но тон его голоса повысился на фоне эмоций:

– Я помню, как она вышла из кареты. Ваш отец ждал ее, гордо выпрямив спину. Его волосы были такие же прекрасные, как у нее, только темного цвета. Он был совсем еще юношей. Да, эта пара выглядела изумительно. А когда они проследовали в замок, город наполнился музыкой. С того дня я никогда больше не чувствовал...

– Сейчас печальные времена, – перебила Констанция, не желая слушать.

Лорд Вередит снова похлопал ее по руке.

– Увы, моя дорогая, так и есть. Так и есть.

Глаза Констанции блуждали по комнате. Наконец она увидела лекаря, сидящего за столом с другими рабочими и старшими слугами замка. Он наполнял свой кубок вином, пока лысый псарь с худым заостренным лицом что-то бормотал ему на ухо.

– Милорд, – обратилась Констанция к Вередиту, – что вам известно о докторе Джонасе Торне? Я совсем не помню его из детства.

Вередит взял недолгую паузу, чтобы вытереть рот платком.

– Вскоре после вашего исчезновения его наняли помощником лекаря, хотя раньше он работал простым аптекарем в Нижнем городе. Когда чума сразила нашего доктора, его место занял Торн.

– А что было до того, как он стал аптекарем?

Лорд Вередит пожал плечами.

– Боюсь, мне нечего рассказать. Я не интересуюсь делами Нижнего города, – хмуро ответил старик. – А почему вы спрашиваете, дорогая?

– Потому что он отвечает за здоровье отца, – ответила Констанция, наполняя кубок лорда. – Кажется, герцог... – Она бросила взгляд на его длинные сальные волосы и темные круги под глазами. – Кажется, о герцоге никто не заботится.

- Да, так и есть, - согласился Вередит.

Его лицо внезапно стало серьезным, можно было подумать, что он собирается оправдываться.

- Понимаете, забота о вашем отце представляет некую трудность. Я слышал, он редко спит и не любит, когда к нему прикасаются. Торн, однако, предоставляет лучшее медицинское обслуживание, которое только можно предложить герцогу, моя дорогая. Ни в замке, ни в городе вы не найдете более опытного профессионала.

«Трудность? Он человек, а не обуза!»

Ощувив волну гнева, Констанция решила сменить тему разговора и принялась резать на тарелке черствую выпечку.

- А мой брат? Кто занимался его воспитанием с момента болезни родителей?

Вередит улыбнулся.

- Приятно, что вы демонстрируете такую заботу о вашем несчастном брате. Они с матерью были очень близки, вплоть до последних дней. Спустя три года после смерти учителя герцогиня решила сама научить Уинтона буквам и цифрам - под руководством судьи, разумеется.

- Судьи?

Странно, ведь брат мог стать угрозой его положению в обществе.

- Герцогиня и судья очень сблизилась, но Уинтон всегда неловко себя чувствовал в его присутствии. А когда герцогиня заболела, мальчик... слегка взбесился. Судья пытался чем-то его завлечь, но успеха его старания не принесли. Уинтон не проявил интереса к государственному ремеслу, да и у судьи были дела поважнее, чем нянчиться с капризным князьком.

Констанция медленно кивнула. Судя по выражению Уинтона, стало ясно, что он не любил лорда-регента, хотя его неприязнь была далека от мятежа.

- И что тогда? - поинтересовалась Констанция.

Лорд Вередит нахмурился.

- Тогда его учителем стал Мастер Меча. Он учил его грамоте и фехтованию. Но в прошлом году он предпочел шпаге двуручные мечи, поэтому теперь проводит большую часть времени в тренировочном зале с городской стражей. Книги его больше не волнуют. А раз герцогиня болела, никто и не настаивал на занятиях.

Никто? Констанция в недоумении уставилась на лорда Вередита. Она не могла поверить в его лицемерие. Неужели никто из Мудрецов не взял на себя ответственность за ее брата?

Он продолжил:

- Капитан стражи... капитан Трудан... взял его под свое крыло.

Вередит вздохнул и покачал головой, но Констанция ждала продолжения.

- С того момента как ваш отец захворал, мы все пытались стать Уинтону отцами. Казалось, у лорда Ирвина это получалось. Но, увы, недолго. Похоже, Трудан преуспел там, где все мы потерпели неудачу.

- Капитан Трудан?

Она вспомнила его. Когда Констанция покинула Княжеский лес, Трудану было около тридцати лет, и он был весьма крупным мужчиной. Сын пекаря, который попал в стражники благодаря своей силе. Констанция стала искать его глазами. Сидя за столом вместе с лекарем и псарем, он игнорировал их болтовню и увлеченно пережевывал еду, похожую на твердый кусок сушеной оленины. Лицо его казалось открытым и дружелюбным. Констанция нахмурилась.

- Но ведь Трудан принадлежит к низшему сословию. Что произошло между братом и лордом Ирвином? Почему Уинтон больше не ищет его компании?

– Этого я знать не могу, – со вздохом ответил лорд Вередит, хлебая суп. – Да кто понимает эту молодежь? Может, дело как раз в низком статусе Трудана. Да, это странно... Но нынче и времена странные. Правил больше не существует, – с грустью заметил старик. – Раньше мы бы запротестовали. Но сейчас...

«А сейчас вас уже ничего не волнует», – подумала Констанция.

– Вы правы, милорд. Спасибо за ваше мнение в столь деликатном вопросе.

Констанция застенчиво улыбнулась и повернулась к отцу, чтобы скрыть очевидное беспокойство. Герцог сидел с полным ртом хлеба и пытался все это пережевать. Она не могла не обратить внимания на свежие красные раны на его запястьях. Неужели его связывали?

Девушка бросила еще один взгляд на Джонаса Торна. Неожиданно он посмотрел на нее с дальнего конца стола. Его глаза почти незаметно сузились, но Констанция все равно заметила.

«Я ему не доверяю».

5

Полет

Лина замешкалась на ступеньке кареты, плотнее закутавшись в серый плащ. Они остановились в центре перекрестка. Четыре широкие дороги, залитые золотым светом, уходили в голубую даль. Слышался шелест полевой травы, и мир казался спокойным и бесконечным.

Эмрис махнул кучеру рукой, и тот в ответ приподнял шляпу. Опустившись на колени рядом с передним колесом кареты, Эмрис начал плести небольшую косичку из тех предметов, что взял из кареты. Казалось, он вплетал перья, листья и нити между спицами колес. Лошади проявляли беспокойство: они мотали головами и фыркали, топча плотную землю. Несмотря на дневное время, перекрестки оказались тихими и спокойными.

За каретой на горизонте виднелось серо-зеленое пятно – единственное доказательство существования Княжеского леса. Сердце Лины замерло. Она буквально ощущала натянутую между ней и покинутым домом нить. В голове появился образ: голые, пожеванные кости Виго. Страшная картина задержалась в ее сознании и смешалась с воспоминанием о последней встрече, когда со спокойной решимостью на лице Виго рассказал ей, как сбежать.

Отгнав воспоминания, Лина спрыгнула в центр перекрестка. Внезапно она почувствовала прилив энергии, которая прошла сквозь тело подобно электрическому заряду. От изумления Лина отпрянула и прислонилась рукой к карете, чтобы сохранить равновесие.

Эмрис взглянул на девушку, но солнечный свет помешал ей разглядеть выражение его лица.

– Лучше всего заклинания работают в переходных местах: на пересечении дорог, береговых линиях, входах в пещеры. В этих зонах границы между Порядком и Хаосом истощаются, и магия расцветает. Ты ее чувствуешь? – спросил Эмрис, внимательно глядя на Лину. – Ты побледнела. С тобой все в порядке?

Девушка открыла глаза.

– Нет, я ничего не чувствую. Со мной все хорошо, – солгала она, желая, чтобы это оказалось правдой.

Эмрис вернулся к работе. Но Лина действительно что-то почувствовала: казалось, она рассмеется, закричит или ее даже стошнит. Или, может, из живота вырвется какое-то существо. Она ощутила... опасность.

Глубоко дыша, Лина потянулась к спрятанной в кармане бабочке, чтобы погладить ее крылья и успокоиться. Неприятное ощущение ослабло и обосновалось глубоко под грудью. Девушка подняла свободную руку, положила на грудь, затем нажала и сделала глубокий вдох. Постепенно ощущение пропало. Что это было? Неужели это и есть магия?

Как только Эмриса устроило положение самодельной косички, он поднял руку и произнес ряд слов на иностранном языке, похожем на перезвон колокольчиков.

Он снова и снова повторял эту фразу, и то, что казалось тихим шепотом, выросло в наполняющий уши ритмичный гул. Постепенно звук превратился в музыку, плывущую, как лодка по тихой воде. Только Лина начала привыкать к ритму потока, как вдруг мелодия ускорила темп. Теперь звук напоминал быстрый шаг, или едущее по сельской дороге колесо, или даже пробежку по травянистому лугу. Затем мелодия превратилась в бег. Она будто галопом скакала навстречу ветру. В животе все закрутилось, как волчок, и...

С улыбкой на лице Эмрис остановился.

- Ты ведь чувствуешь? Ты понимаешь цель нашего заклинания?

Лина в замешательстве покачала головой и перевела взгляд на дорогу.

- Ты уже сказал. Оно для того, чтобы ускорить наше путешествие, - тихо ответила девушка.

Вдалеке был виден ряд пологих холмов, чьи вершины покрывали деревья, качаемые далекими ветрами. Лина сосредоточилась на пейзаже. Что-то в движении деревьев ее успокаивало.

- Сколько добираться до Города Королей? - поинтересовалась она.

- Мы приедем к закату, - ответил Эмрис, встав с земли. - Нам пора в путь.

К удивлению Лины, Эмрис сел вперед, а подозрительный кучер лег в свою постель внутри кареты.

- Не могу стоять во время полета, - проворчал кучер, забираясь внутрь. - Каждый раз укачивает, - добавил он, натягивая головной убор, похожий на плотный войлочный колпак.

«Полет?»

Лина бросила на Эмриса неуверенный взгляд. Наверное, это всего лишь красочный оборот речи.

– Твое заклинание поможет нам взлететь? – все же поинтересовалась она.

Эмрис с улыбкой сел на место кучера и предложил руку, чтобы помочь забраться.

– Да, мы полетим.

– В... этом?

Лина уставилась на громадную, неповоротливую карету. Что может быть менее вероятное, чем полет в этой колымаге? Но Эмрис только улыбнулся.

Девушка приняла его помощь и расположилась рядом. Обернув шерстяное одеяло вокруг колен, она облокотилась на мягкую спинку скамьи. Эмрис передал ей кожаные ремни и аккуратно пристегнул их вокруг талии. Когда он наклонился, Лина сразу ощутила свежий запах от его упругих кудрей.

– Готова? – спросил Охотник, беря в руки поводья.

С ужасом и волнением Лина кивнула в ответ.

Эмрис ударил поводьями, и лошади галопом бросились вперед. Копыта стучали, колеса гремели по дороге, наезжая на камни. Лина схватилась за одеяло, с трудом дыша. Она еще никогда не ездила с такой скоростью! И вдруг случилось невероятное: наступила тишина, и тело ее дернулось, будто замерло в падении. Дорога оказалась на несколько футов ниже кареты, а колеса вращались в воздухе, все замедляясь и замедляясь. Лина крепко схватилась за сиденье, не зная, что делать: кричать или смеяться. Вот только лишенные воздуха легкие не позволяли ей сделать ни того ни другого. С невообразимой скоростью дорога удалялась от них, превращаясь в золотую ленту среди полей. В потоке облаков Лина почувствовала воздух, искрящийся вокруг нее ярким сиянием.

«Волшебство», – подумала Лина, ощутив в груди неприятное покалывание.

Она даже не думала, что такое бывает. Это... просто удивительно.

– Задержи дыхание! – предупредил Эмрис, и Лина безукоризненно последовала его указанию.

Они устремились в белое облако, где их сразу окутал холодный морозящий дождь, и все, кроме кареты и покачивающихся голов гнедых лошадей, исчезло. Мокрые и замерзшие, они выбрались из облака, но зато теперь небо озарилось голубым намного ярче, чем раньше. Зеленый покров растянулся внизу, как тонкое шелковое одеяло с золотыми линиями дорог.

Эмрис поправил поводья и откинулся на спинку.

– Итак, – начал он, – теперь я готов ответить на все твои вопросы.

Лина молчала. Посмотрев вниз, где-то далеко на Королевской дороге она заметила еще одну карету. С такой высоты она напомнила жучка. Неприятное чувство в груди исчезло – но слабый отголосок до сих пор оставался внутри. Это и есть... магия? Внутри нее? Почему она раньше не замечала? Она всегда там была?

– Волшебники с рождения наделены магией?

Эмрис кивнул.

– Да. Как правило, магия передается по наследству, и дети, чьи родители являются волшебниками, вероятнее всего, унаследуют магические способности. Иногда, но очень редко, это происходит само по себе. – Охотник взглянул на собеседницу. – Я полагаю, твои родители не были волшебниками?

Лина покачала головой.

– Я не знаю. Я никогда их не видела.

Эмрис грустно улыбнулся.

– Я тоже.

Лина бросила на него удивленный взгляд, но Эмрис предпочел не вдаваться в подробности.

– Значит... магией нельзя заразиться? – осторожно спросила Лина. – Или... развить способности? Она всегда внутри? С самого рождения?

– Заразиться магией? Как простудой? – Эмрис рассмеялся. – Конечно нет. Ты считаешь, что никогда ее не ощущала?

Лина кивнула.

– Что ж, живя в Княжеском лесу, столкнуться с волшебством весьма сложно. Да, там грозное облако, но... – Он взял паузу. – Но ведь никто точно не знает его природу. Хотя, несомненно, оно крайне необычное. Что бы ты сейчас ни чувствовала, оно стало сильнее, потому что нас окружает естественная магия. Она была на перекрестке, а сейчас держит нас в воздухе.

Лина посмотрела вниз на вращающийся под лошадиными копытами мир. Мысли ее неслись вскачь вместе с гнедыми.

– Так... что со мной происходит? – спросила она, переводя тему.

От морозного воздуха перехватывало дыхание, и Лина крепче закуталась в одеяло.

– Почему мы так спешим?

– Ты – Дикая, Лина. Дикими мы называем волшебников, кто остался без контроля со стороны бога и храма. – Эмрис бросил на нее серьезный взгляд. – Что ты знаешь о магии? В Княжеском лесу тебе рассказывали о волшебстве?

Лина покачала головой.

– В Княжеском лесу о волшебстве не говорят, – ответила она, но тут же поняла, что это не совсем правда. – Если только в сказках.

– Расскажи, – попросил Эмрис. – Любопытно послушать.

Лина кивнула, вспомнив одну. Виго был прекрасным рассказчиком. В детстве, перед тем как уложить Лину спать, он всегда садился рядом. Обычно ему нужно было идти на дежурство, поэтому он просто желал спокойной ночи, кутал ее в одеяло и гасил масляную лампу на тумбочке. Но иногда взгляд Виго становился отстраненным, и тогда ее охватывала дрожь волнения: Лина понимала, что он собирался рассказать сказку.

– Я расскажу о бедном мальчике-сироте из Княжеского леса, – тихо начала Лина, вспоминая сюжет.

Она закрыла глаза и почувствовала, как легкий холодный ветерок играет с ее волосами.

– Это очень старая сказка, написанная сотни лет тому назад, еще до завоевания герцогства королем. Мальчик-сирота обнаружил, что обладает волшебными силами. Целых шесть лет он колдовал себе все, что хотел: большой дворец, еду, друзей, с кем можно поиграть. Он жил в роскоши и удовольствии.

С глухим ревом мимо пронесся порыв ветра, и Лина открыла глаза.

– Но в первый же день седьмого года он зашел во дворец, и тот внезапно превратился в пепел. Он взял еду, но она рассыпалась в пыль. И когда мальчик пошел играть со своими друзьями, то нашел лишь гнездо пауков.

Лина посмотрела вниз на сияющий мир, представляя голос Виго. Она вспомнила, как он сформулировал фразу, которая осталась с ней с тех самых пор.

– Он настолько опечалился потерей, что пожелал больше не иметь чувств. И стоило ему этого пожелать, как сердце его обратилось в камень. Начали каменеть кровь и кожа, пока все его тело не охладело и не застыло. Он до сих пор стоит во дворе в Верхнем городе, замерший в собственном горе. Ну, так говорят.

Сама Лина никогда не видела каменного мальчика, но раньше, когда Верхний город был огромным, там располагалось множество дворов, большинство из которых были частными.

– Сказка учит, что магия не может заменить реальные вещи. Это самообман. Лживая сила.

Вспомнив о странном ощущении на перекрестке, Лина вздрогнула. С одной стороны, все это пугало ее гораздо больше, чем она хотела признавать. С другой – она не могла отрицать, что ее влекло любопытство. Однажды она нашла забытый проход в глубокий тоннель склепов. Винтовая лестница уходила вниз в черную мглу. Сердце ее колотилось, и она замерла на месте: страх тянул ее назад, а странное желание заставляло спуститься вниз. Сейчас она ощущала то же самое.

Эмрис выровнял поводья, чтобы не сойти с Королевской дороги.

– Во многих сказках содержится доля истины, и твоя история – не исключение. Но вся правда в том... что на самом деле все сложнее. В Городе Королей каждый школьник изучает, что есть Порядок и Хаос. Порядок – это физический мир, где правят законы природы. Физический мир отличается предсказуемостью: если ты бросишь что-нибудь, то оно упадет на пол. Хаос – противоположная сила. Если ты попытаешься бросить что-то в пространстве, где правят силы Хаоса, оно может полететь обратно и ударить тебя по лицу.

Лина кивнула, наблюдая за фермерскими хозяйствами, полями и коровами, которые сверху напоминали пятнистых муравьев.

– Значит, Порядок – это физический мир, а Хаос – волшебный?

Эмрис улыбнулся.

– Да, в каком-то смысле так и есть, хотя все не так просто, как кажется.

Лина ждала, чтобы он продолжил.

– Хаос не смог бы существовать без физического мира, Лина. Проще будет представить его в качестве энергии. Если энергия существует одна, в вакууме, она становится бесполезна. Ей всегда нужно на что-то влиять. Так и Хаосу нужен Порядок. А Порядок в свою очередь нуждается в Хаосе. Правила не имеют значения, если ничто не способно разорвать их границы. Какой толк от берега,

если нет реки? Или наоборот? Таким образом, мир представляет собой тонкий баланс Порядка и Хаоса.

- Но какое это имеет отношение ко мне?

- Ты сказала, что за прошлый год пережила несколько странных событий. И хочешь ты или нет, их можно объяснить лишь волшебством. А это означает, что в тебе пробудились силы. - Эмрис посмотрел на нее сияющими темными глазами. - Магия - это термин, который мы используем для объяснения сверхъестественного эффекта, который Хаос оказывает на Порядок. Человек с магическими способностями носит в себе силы Хаоса, и если их не контролировать, то они становятся опасными.

Лина нахмурилась. Неужели он вел к тому, что она могла причинить кому-то вред?

- Но я не...

Эмрис покачал головой, и Лина замолчала.

- Силы не обязательно представляют опасность для людей. Нет, до этого пока не дошло, хотя однажды так и случится. Опасность существует для самих волшебников. Известно, что силы Хаоса подавляют физическую форму: толкают на убийство, лишают здравого рассудка и полностью меняют сущность человека. Затерявшаяся в физическом мире сила Хаоса - страшная перспектива. Таких магов мы называем Радикалами.

- Я... Я тоже стану Радикалом? - Лина сглотнула от ужаса.

- Нет, - решительно ответил Эмрис. - Во всяком случае, не сейчас. Ты - Дикая, поэтому существует опасность, что злые силы возьмут над тобой верх. Именно в этом кроется причина моего желания помочь. Если бы ты была Радикалом, при первой же встрече мне пришлось бы тебя убить.

От его слов у Лины по спине пробежал холодок. Взглянув на свои руки, крепко держащие шерстяное одеяло возле закутанных ног, она вспомнила Предков. Она подумала о том, как от ее прикосновений поворачивались глаза и дергались

конечности. На что же на самом деле она способна?

– Вот почему наделенные волшебными силами дети по закону обязаны обучаться в одном из наших храмов. Существует церемония, называемая «Воссоединением», после которой сила мага примыкает к богу. После совершения ритуала Хаос внутри волшебника больше не сможет взять над ним верх. А в дополнение к строгим правилам, образу мысли и обрядам магия становится самым безопасным даром. – Эмрис улыбнулся. – Так что видишь, не зря в Княжеском лесу опасаются магов. Волшебство в состоянии превратить все и всех, что ты любишь, в пыль. Поэтому я обязан доставить тебя в Город Королей.

Прислушавшись к своим чувствам, Лина не почувствовала изменений. Она не ощущала внутри себя Хаос, жаждущий ее одолеть. Точно не в данный момент. Но после того, что случилось в прошлом году, инцидента со змеем и ощущений на перекрестке, как она могла отрицать его правоту? Пока Эмрис молчал, вероятно, полагая, что девушке нужно время переварить информацию, Лина гладила бабочку в кармане. Если в словах Эмриса заключается истина, то ей придется дать клятву богам. А можно ли? Ведь она уже посвятила себя Предкам и прошла церемонии посвящения. С одной стороны, она подготовилась к этому еще до появления грозового облака, когда мечтала о другой жизни за пределами леса. Но где-то в глубине души она всегда знала, что вернется обратно. Вернется ради Виго. А сейчас Виго оставалось лишь оплакивать.

Если бы она начала поклоняться богам, ее бы объявили еретиком. Виго был набожным человеком, и он бы никогда не принял другую Лину.

Если она послушает Эмриса и последует его указаниям, дороги назад уже не будет. От этой мысли в горле все пересохло, и она оглянулась на окружающий пейзаж, стараясь отвлечься от этих мыслей.

Королевская дорога внизу становилась широкой и людной. По обеим сторонам тянулись деревни и города, полные людей, повозок и лошадей. Внезапно Эмрис сбросил высоту, и Лина чуть не подпрыгнула на сиденье, когда увидела в двух футах над головой еще одну пролетающую карету с блестящими черными шасси, сбоку от которых виднелся золотой герб.

– Те, кто пользуется небесными дорогами, либо едут по делам храма, либо до отращения богаты, – объяснил Эмрис, печально улыбаясь.

Там и здесь Лине казалось, что она видела показывающих на их карету то ли радостных, то ли испуганных детей. Она замечала и собак, лающих им вслед. Солнце светило ярко, и Лина подставляла свою щеку с пятном его теплым лучам. В тот момент она больше ни о чем не думала.

Днем, приземлившись в поле на перекус (хлеб с сыром и небольшой яблочный пирог, который Лина достала из кареты, где с громким храпом все еще спал кучер), они продолжили разговор.

– Расскажи мне о своей жизни в Княжеском лесу, – попросил Эмрис. – Что ты оставила в прошлом и почему?

– Я работала в склепах, – ответила Лина. – Помогала гробовщику подготавливать тела и ухаживать за Предками. Но... – Слова застряли в горле. Она кашлянула. – Но когда меня обвинили в чародействе и судья натравил на меня собак, я сбежала. Мой... Мой хозяин хотел защитить меня, поэтому рассказал, где найти лазейку.

Лина не могла рассказать ему всю историю целиком – как он умер, и что это она виновата. Время для подобных откровений пока не наступило.

– Но почему тебя обвинили? – поинтересовался Эмрис. – В чем проявились твои силы?

Лина замешкалась.

– Мне выпала честь присутствовать на похоронах герцогини и помогать на церемонии погребения, во время которой тело Предка помещается в саркофаг. Все вокруг наблюдали за происходящим. Все присутствовали на ее похоронах.

Лина вспомнила сына герцогини, Уинтона. Со слезами на глазах он наблюдал за ее последними обрядами.

– Вначале все шло хорошо. Но затем, в конце церемонии, мне пришлось до нее дотронуться, и... как только я это сделала, она внезапно пошевелилась.

– Пошевелилась?

Несмотря на неподдельный интерес, изумление в его голосе отсутствовало.

– Я имею в виду... ее рука... Я не знаю, что случилось, – запинаясь, добавила она. – Я полагаю... это и есть волшебство?

Все это казалось противоестественным, но Лина убедила себя, что и такое возможно.

– Это... нормально?

– О, да. До «Воссоединения» сгусток неконтролируемой магии может двигать предметы, ломать, поджигать или даже взрывать.

– Взрывать?

Эмрис засмеялся.

– Считаю, что тебе повезло. В свое время я столкнулся с ужасными последствиями неконтролируемого волшебства.

Лина кивнула, не улыбувшись в ответ. Она ведь не рассказала Эмрису полную картину событий. Движение герцогини казалось вовсе не случайным. Нет, худая холодная рука поднялась и крепко схватила запястье Лины. Вскрикнув, девушка отпрянула от могилы, однако все уже успели стать очевидцами. Даже Виго бросил на нее озадаченный взгляд, пока родственники разразились негодующими возгласами. Судья, не тратя ни минуты, приказал заковать руки Лины и отправить в темницу в ожидании суда. Пока ее уводили, сын герцогини посмотрел на Хранительницу с ужасом и горем в глазах. По щекам его текли слезы.

Она еще никогда не чувствовала себя настолько ничтожной, бесполезной и чужой.

Мельком взглянув на Эмриса, Лина решила оставить воспоминания при себе. Разве можно ему доверять? Они ведь знакомы всего пару часов. Пусть Лина и позволила Эмрису рассказать об этом мире, она была не готова поведать ему свою жизнь.

Закутавшись в плед, Лина молча смотрела, как земля снова удаляется вниз. Над головой девушки, словно драгоценный камень, сверкало синее небо. Ее переполняло чувство благодарности: за спасенную жизнь и возможность сбежать из своего маленького облачного мира. Но при этом сердце разрывалось на куски от чувства вины, страха и гнева.

Ближе к вечеру она что-то заметила на горизонте: неровные выступы, очерченные заходящим солнцем. В ярком свете она не смогла разобрать детали, но холмы начали подниматься все выше, отбрасывая в сторону кареты длинные тени.

– Почти на месте, – тихо объявил Эмрис.

Когда солнце зашло, под розовеющим небом предстал огромный город. Лина наблюдала за происходящим, широко раскрыв глаза.

Приближаясь к городу, Эмрис поднял карету выше.

– Можешь насладиться видом, – прошептал он с улыбкой, наблюдая за восторженным взглядом Лины.

Город Королей располагался в неглубоком бассейне между семью холмами и был разделен широкой сияющей рекой. Лина насчитала четыре моста, раскинутых над серебряной водой. Самые высокие строения в городе имели стеклянный блеск. Кроме того, она заметила золотые купола и каменные башни с развевающимися на ветру флагами. Улицы были прямыми и пересекались перпендикулярно – кроме тех, что располагались на окраине города и тянулись на вершины холмов, напоминая старые кружева. Тут и там виднелись дворы, в некоторых из которых стояли сияющие, словно драгоценности, фонтаны и бассейны. В северном направлении города располагалось большое квадратное здание с семью остроконечными башнями, окруженное огромной зеленой

территорией. От подобной красоты Лина потеряла дар речи.

– Центр разделен на три района, – объяснил Эмрис. – Вот это Королевский район. – Он указал на зеленые просторы на севере города, где галопом скакали несколько всадников. – Большое строение с семью башнями – дворец. На юго-западе находится Торговый район.

Эмрис аккуратно повернул карету, указав на местность с ровными и оживленными улицами, где, несмотря на закат, люди спешили по своим делам.

– Вон те большие здания – это городские торговые залы и купеческие гильдии. Здесь жилых домов больше, чем в других районах.

Он медленно развернул карету налево:

– А на юго-востоке находится Сакральный район. Сюда мы и направляемся.

Лина перевела взгляд на широкую центральную улицу района, вдоль которой тянулись невероятных размеров здания, сверкающие золотом и серебром. Возможно, это статуи, ловящие последние лучи заходящего солнца?

– Это наша святыня, где располагается большинство храмов, – объяснил он.

– Большинство?

– Что ж, есть одно исключение: никому не известно, где находится храм Митриса, – пояснил Эмрис.

Лина хотела спросить, кто есть Митрис и почему его храм настолько засекреченный, но как только она перевела взгляд на замок, то заметила, как с крыши поднимается черное пятно. По мере приближения пятно превратилось во всадника. В развевающемся серебристом плаще он галопом скакал в сторону кареты на темной лошади. Заметив всадника, Эмрис напрягся и поджал губы. Он потянул поводья, остановив прямо в воздухе лошадей. Их парящее состояние показалось Лине еще более удивительным, чем сам полет. Теперь, когда они замерли, Лина расслышала вой ветра сквозь колеса.

– Что происходит? – спросила девушка.

– Лорд Чатхам спешит узнать, нашел ли я то, что он ищет, – ответил Эмрис, качая головой на вопросительный взгляд Лины. – Это не займет много времени. Не переживай.

Несмотря на убеждение, выражение его лица говорило обратное.

Всадник остановился возле кареты.

– Добрый вечер, Охотник, – поздоровался он.

Голос его казался дружелюбным и серьезным, но за этой добротой скрывалось что-то еще. Что-то тяжелое. Бледнолицый, с заостренным красивым лицом, он обладал лоснящимися светло-пепельными волосами, скорее даже серебристыми. Он напоминал мраморную статую, чей возраст угадать крайне сложно. Однако, заметив между бровей легкие морщинки, Лина решила, что ему ближе к сорока, чем к тридцати.

– Ты нашел Констанцию? Она в карете?

Взгляд всадника скользнул по лицу Лины, и она заметила, как его глаза вспыхнули серебряно-голубым светом.

– Кто это? – спросил незнакомец, пристально глядя на родимое пятно. – Она больна?

Лина поспешно отвела взгляд, чувствуя в душе вспышку гнева. Она пожалела, что сняла капюшон.

Эмрис заговорил холодным и раздраженным голосом:

– Нет, Констанцию я не нашел. Она направилась в Княжеский лес и исчезла в грозном облаке. Я не мог следовать дальше.

Лина осознала, что женщина в маске и есть Констанция. Имя казалось знакомым, но она не могла вспомнить, где его слышала.

Лорд Чатхам скривил рот.

Эмрис повернулся к Лине.

– А эта девушка... Это Дикая. Я встретил ее на пути домой. Думаю, ты понимаешь, что я безоговорочно должен доставить ее в храм.

– Безоговорочно?

Всадник усмехнулся, однако в его тоне послышалось очевидное любопытство. Теперь он откровенно буравил взглядом Лину, и девушке стало не по себе. Когда он узнал, что она Дикая, его отношение резко поменялось с отвращения на интерес.

– Может, для вашего храма это и безоговорочно, Эмрис, но существуют и те, кому не нужно идолопоклонничество, чтобы контролировать силы.

Лина вопросительно взглянула на Эмриса, но тот лишь тихонько покачал головой, подразумевая, что время для вопросов было крайне неподходящим.

Она снова перевела глаза на лорда Чатхама. Было что-то странное в положении его лошади. Что-то отличало ее от гнедых Эмриса. Их горячее дыхание клубилось в воздухе, а копыта нетерпеливо взбивали небо, пока лошадь Чатхама стояла на удивление... тихо.

– Я обещаю, если я узнаю какие-то новости о краже, то немедленно доложу во дворец, – продолжал Эмрис.

– Это не просто кража, – отрезал Чатхам. – Это мое самое ценное изобретение. Я должен его вернуть.

– Разве ты не можешь изобрести другое? – вызывающе спросил Эмрис, чем сильнее разозлил собеседника.

– Это не игрушка. Я не могу сделать ее за одно утро. Я годами ее совершенствовал!

Их перебранка заняла Лину лишь наполовину: ее внимание было сосредоточено на лошади всадника, чье тело укрывала тонкая черная ткань с серебряными вставками, аналогичная плащу всадника. Голова лошади была скрыта...

Прищурив глаза, Лина вгляделась во тьму под капюшоном лошади. С дрожью в теле она осознала, что животное создано не из крови и плоти – во всяком случае, не полностью. Неужели это стекло? А за стеклом – металл? Глубоко в голове создания горел слабый желтоватый свет.

– Вижу, вы заметили ее особенность, – закончив спор с Эмрисом, лорд Чатхам обратился к Лине. При этом его тон звучал крайне самодовольно.

Будто оказывая благородную услугу, он запустил руку в карман плаща, вытащил маленькую серебряную карточку и протянул ее Лине на свистящем вокруг кареты ветру. Исписанная черными чернилами блестящая карточка оказалась не больше половины ладони. Надпись гласила:

Лорд Теодор Чатхам

Независимый Сертифицированный Волшебник

Королевский механик

Создатель «Высококачественных и Редких Изобретений

для Лиц с Любым Достатком и Положением»

ПРИГЛАШАЕТ ВАС ПОСЕТИТЬ

Магазин Волшебных и Механических Изысков

– Знаете, я ищу помощника, – добавил Чатхам. – Мне бы пригодилась помощь Дикой... Помощь более... покладистого компаньона. – Он улыбнулся.

– Хватит, Чатхам, – отрезал Эмрис. – Лина не станет пешкой в твоих играх.

- Пусть она сама решит.

Лина перевернула карточку. На задней стороне был написан слоган: «Магия для всех», и указан адрес в Королевском районе. Аккуратно держа переливающуюся серебром карточку, она вдруг вспомнила ту ночь, когда из темноты к ней прилетела бабочка. Глядя на лошадь с мерцающим в голове светом и жужжащим механизмом, Лина чуть не вытащила свою находку из кармана. Она была аналогичной, только меньше размером. Лина все еще помнила тикающий звук, который издавала бабочка в склепах. Неужели ее создал лорд Чатхам?

- Здесь есть другие, подобные вам волшебники? - выпалила Лина, когда Чатхам принялся разворачивать лошадь.

Тот сразу обернулся.

- Подобных мне не существует, - подмигнув, ответил всадник.

Лина невольно покраснела: она имела в виду совершенно другое.

- До свидания, Охотник. До свидания, Дикая, - попрощался Чатхам, поочередно кивая головой, и поскакал прочь в сине-фиолетовый сумрак, оставляя за собой лишь очертание развевающегося серого плаща. Эмрис приступил к снижению, но напряжение до сих пор не отпустило его. Эта встреча повлияла на него гораздо сильнее, вот только Лина не могла понять почему.

- Что он имел в виду, говоря о краже? - осторожно спросила она.

- Когда Констанция покинула город, она кое-что у него украла, - ответил он, явно не желая продолжать тему.

- А почему он сказал, что некоторым людям не нужно поклоняться богам, чтобы контролировать силы? - поинтересовалась Лина, в то время как карета приближалась к Сакральному району.

Она протянула Эмрису карточку.

- Это и подразумевается под «Независимым сертифицированным волшебником»?

Эмрис вздохнул.

– Да. Лорд Чатхам и некоторые его единомышленники считают, что им не нужны боги и учеба в храме, чтобы управлять магией. Вместо этого они выполняют задания, а Король выдает свидетельство и берет к себе на службу, – объяснил Эмрис, качая головой. – По их мнению, так было заведено две тысячи лет назад, еще до появления богов. Да, возможно, в этом есть здравый смысл, однако я не одобряю игры с Хаосом.

Лина наблюдала, как к ним приближается Сакральный район. Когда Эмрис отвернулся, она сразу запустила руку в карман к бабочке и погладила нежные крылья. Лина оставила свой единственный дом, и человек, который сделал то место для нее домом, был навеки потерян. И теперь она направлялась в место, где ей придется посвятить себя религии, от которой ее всегда предостерегали. Ей придется заниматься тем, чего ее давно научили бояться, – магией. Но если высокомерный лорд Чатхам прав и существует возможность контролировать силы без помощи богов, то, вероятно, можно найти компромисс...

Всадник не вызвал у Лины симпатии. Ей не понравилось, как его глаза застыли на родимом пятне. Тем не менее девушка отправила его карточку в карман к бабочке. Должно быть, это очередной кусочек головоломки, которая поможет разгадать, кто она на самом деле.

6

Сад

Было немного за полночь, когда Констанция тихо шла по узкому проходу под крепостными стенами, спрятав лицо в меховой воротник платья. Обогнув Западную башню, она направилась в сад. На празднике ей пришлось задержаться допоздна, пока все гости не разошлись или хотя бы не напились до бессознательного состояния, в котором не заметили бы ее уход. Лорд Ирвин ушел раньше. Выходя из зала, Констанция сняла с двери треснувший фонарь, внутри которого от каждого дуновения ветра танцевало пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Витенагемот – народное собрание в англосаксонский период истории Англии.

Купить: https://telnovel.me/lyupo_kesiya/my-krov-i-burya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)